

Родион Белецкий

Бей сценариста!

Удар первый. Гитара Маккартни

Повесть

1

Все продюсеры — подонки. Они норовят обмануть таких сценаристов, как я, и на мои деньги купить своим женам джипы БМВ белого цвета. Причем вкуса-то у них нет. Они обвяжут джип красной ленточкой. Загородный дом, сосны, мерзкий запах сгоревших шашлыков и дамочка в тренировочных штанах и дорогой шубе, задом влезающая в новую машину. Она охает, продюсер лыбится, я, в своей коммуналке, роняю надкусанную шоколадную конфету на клавиатуру компьютера.

Нет, я законченный неврастеник, это понятно. У меня сложные отношения со всем в этом мире. Всё — это ВСЕ вещи и ВСЕ люди.

Мучения начинаются, когда я открываю глаза утром (около часа дня, как правило), и заканчиваются, когда я ложусь спать под утро. Конечно, у меня хроническая бессонница, которую я заедаю. Боже мой, как я её заедаю!

Ладно, о продюсерах. Сейчас я ненавижу одного из них. Он должен мне деньги. Договор у меня есть. Он подписан. Но договор ничего не значит. Это липа. Белая сумма в нем — копейки. На словах мы договорились на сумму в четыре раза больше. И тут проблема. Он не хочет платить. Прямо он этого не говорит, но дело к тому идет. Я чувствую. У меня интуиция развита, как у лошади, которую хочет загнать неразумный казак.

Сегодня у меня встреча с этим продюсером. Его зовут, ну, пускай ГЕННАДИЙ. Гнида Геннадий. Ладно, пусть просто Геннадий. Шанс, что он заплатит, есть. Но маленький. Очень маленький, как картинка, вырезанная извращенцем на рисовом зернышке.

Опасения невыплаты превращают каждый мой день в сущий кошмар, и это еще слабо сказано.

Письма счастья и телефонный террор на Геннадия, мать его, Андреевича не действуют. Я начинаю терять уверенность в себе. А была ли она у меня. Вот вопрос!

Я не умею быть жестким (только в постели, ха-ха). Я умею красиво писать. И красиво говорить.

Родион Белецкий (1970 г.р.) — русский писатель, сценарист. Окончил ВГИК, мастерская Н.Н.Фигуровского. Больше 100 постановок в театрах России и за рубежом. Автор сценариев 24 сериалов. Публикуется в журналах «Дружба Народов», «Новый мир», «Знамя» и др.

Журнальный вариант.

Даже когда я просыпаюсь под звуки фанку-будильника, мне есть что сказать. Хреновый день — вот что я вам скажу. Есть солнце, и оно светит всем тварям — даже таким тварям, как я. И есть депрессия, которая поселилась у меня с момента, когда меня неаккуратно вытаскивали щипцами из мамы. Коновалы помяли младенцу голову, и теперь на ней несколько некрасивых шишек. О вмятинах умолчу.

Prince поет «Musicalogy», и я открываю глаза. Взгляд упирается в мешки с гречкой. Над мешками ряды бутылок с подсолнечным маслом. Словно я проснулся на складе скромного деревенского магазина в Курской области. Однако ж я в Москвематужке, в комнате на Чистых прудах. Комнате, облитой слезами и полусладким шампанским.

Хозяйку, сдающую мне комнату, я называю Гитлер. Произношу на берлинский манер — Хитла. У Хитлы есть черная челка, маленькие усики и умение убеждать. Я обитаю в ее логове, которое она сдала когда-то мне и ТОЙ, которую я напрасно силюсь забыть. В комнате Хитла хранит дешевые припасы и раздает их старушкам, живущим в Центральном округе. Хитла — приходящая медсестра, она делает старушкам уколы, старается их обаять и подкормить гречкой с подсолнечным маслом. По мне, гречку нужно есть с оливковым маслом, но старушки другого мнения. Хитла знает вкусы старушек. А те завещают ей недвижимость. По моим сведениям, у нее в собственности около десятка комнат, разбросанных по всему центру. Хитла — настоящий миллионер. Неужели, думаю, ей не на что сделать эпиляцию?

Она их убивает. Хитла убивает старушек. Я уверен. Подсыпает в гречку отраву. Бабульки отдают Богу грешные души, а Хитла сидит голая и читает сказки Братьев Гримм. Воображение у меня больное, что тут скажешь.

Ненавижу халаты. Как ни подвязывай, полы расходятся в сторону и открывают то, чем я в свое время гордился, а ныне рассматриваю, как ненужную вещь. Дома предпочитаю ходить в майке и коротких штанишках. Старомосковский сквозняк взерошивает волосы на крепких ногах и возвращает утерянное за ночь чувство бодрости.

В сортире встречаю большого, просто огромного таракана-долгожителя, и между нами происходит следующий разговор.

— Доброе утро.

— Здравствуйте, — отвечает таракан с достоинством.

— Как поживаете?

— Лучше многих.

— Я сценарист, — зачем-то говорю я.

— Сочувствую.

— А я горжусь! — чистая бравада, чтобы только задеть таракана за живое.

— Гордиться тут нечем, — говорит таракан. — Впрочем, как вам будет угодно.

Мне нравятся его манеры. Хамить следует вежливо.

— Я тороплюсь, — говорю таракану.

— Я чем-то могу помочь?

— Например, покинуть крышку унитаза.

— Такая малость?

— Именно. Вас не затруднит?

— Можем ли мы как-то иначе решить вопрос?

— Нет. Ваше присутствие... — тут я запнулся. Надо сохранять вежливость с существом, у которого так много родственников. — Мне стыдно признать, но то, к чему я призван в данный момент природой, недостойно вашего внимания.

Таракан понимает меня правильно.

— Всего хорошего, — прощается он.

— И вам не хворать.

Мир велик, думал я, сидя в тишине и покое. Есть в нем зеленый остров Борнео и неприветливый Париж, есть красный от стыда Марракеш и есть стоеросовая Москва,

в которой обитает такой нервный красавчик, как я. На сто процентов недооцененный своими современниками, увы.

Подбросьте монету — она, перевернувшись в воздухе, упадет в пыль. Так и жизнь наша. Падая в пыль, мы хотим перевернуться как можно большее количество раз. Лично я часто верчусь вхолостую. Но *who cares?* Сам виноват. Так сказала царевичу лягушка, поймавшая стрелу.

Завтрак. К нему нужно подходить с закрытым забралом. Я никогда не признавался в любви к еде, никогда. Еда — это мой враг. Мы сидим с ней в глубоких окопах, делая ночные вылазки. Когда же становится невмоготу, я на время сдаюсь, избавляясь от съеденного неестественным способом. Есть грех. Кто еще им страдает, два заветных пальца вверх!

Кухня у Хитлы больше похожа на фотолабораторию возбужденного маньяка. Кафельную плитку клал пьяный слепой гастарбайтер. Трубы по стенам гнутся от засохших слоев краски. По ночам сюда приходят призраки самогонных аппаратов всех возможных конструкций и проклинают тех, кто разрешил свободную продажу алкоголя.

Сегодня на завтрак у меня растворимый кофе и вчерашний литовский творог из пластиковой баночки. Волнение нарастает, как и обычно, на пустом месте, необъяснимое и сильное, подкатывает к горлу, не давая европейскому продукту утвердиться в кислой азиатской утробе.

Это нехорошо. Начинаю размышлять. Что беспокоит Наполеона? Жозефина или Ватерлоо? Скорей всего, второе. Мое Ватерлоо — это офис продюсера драного Геннадия. Если вытрясу у него деньги, значит, живу мне быти месяц, а то и полтора.

А не вытрясу, мне придется возвращаться на родину.

Когда я трачу заработанные неверным пером денежки, я забываю о родине, но финансовый коллапс освежает воспоминания. Чу, родная сторонка, город Рыльск. Когда второй всемирный потоп накроет тебя, на поверхность вод всплывет шелуха от семечек и больше, надеюсь, ничего.

Почему я так нервничаю? И сам отвечаю на этот вопрос. Деньги у него. Геннадий силен. А у меня из рычагов давления только шиш с маслом. Да, он мне должен, «согласно устной договоренности». Будь прокляты все устные договоренности на свете. Люди их не соблюдают. Только письменные договоренности. Только они! По-хорошему, нам всем нужно писать друг другу письма

Однако же есть еще одна причина для кислой тоски моей. Урок вождения. Вадик, мой сосед по коммуналке, друг с другой планеты, как я его называю, вызвался помочь мне овладеть искусством управления автомобилем. Его автомобилем.

Я как дятел добрых тридцать секунд стучу в комнату Вадика. Нет ответа. Работящий мой друг уже на выезде. Есть же люди на земле русской, которые умеют и любят работать. И что интересно, это, как правило, не русские люди.

Впрочем, не страшно. Мы договорились встретиться у театра «Современник». Несколько минут ходьбы от нашей квартиры. Встреча через двадцать минут. Мне надо одеться. Нечто сугубо (личное) уличное.

Можно бесконечно смотреть на огонь, говорит кто-то там. Я же могу бесконечно перебирать майки. Их у меня очень много. Когда я говорю «много», я имею в виду действительно много. Из расчета, одна депрессия — одна купленная майка. Депрессия не отпускает, маек становится все больше. Моя фамилия — эпатаж, моё имя — провокация. Майка с надписью «FUCK ME I'M FAMOUS».

Для Европы, возможно, мой эпатаж покажется хиленьким. Но я, товарищи, живу в серой, дикой Москве-матушке. На такие надписи здесь еще, слава Богу, обращают внимание. Так что я запросто могу приобрести дешевую популярность среди недоразвитых граждан.

Исполненный пустых мечтаний, подхожу к центральному входу в театр «Современник». Парковаться здесь нельзя, но Вадик, конечно, припарковался. Машина его мигает мне аварийными огнями. Я улыбаюсь. Вадик поднимает руку, приветствуя своего дерганого соседа.

— Как оно?

— Ничего, — отвечаю. — Проблема есть.

Когда кто-то говорит мне о проблеме, мой желудок сжимается до размеров чайного пакетика.

В отличие от меня, отважный Вадик принимает проблемы как вызов судьбы. Он привык класть свою судьбу на обе лопатки. Что делает Вадик с судьбой после того, как кладет ее на лопатки, я предпочитаю не думать.

— Какие проблемы?

— Мы долго ездить не сможем. Мне к одиннадцати надо на «Парк Культуры».

— Чего там?

— С продюсером встреча.

— Это тот, козел?

— Ага.

— Деньги будешь выжимать?

— Попробую.

Вадик обходит машину и показывает мне на сиденье водителя. Мне это не нравится:

— Чего, так сразу?

— А чего вола за яйца тянуть. Садись и поехали.

Мне нехорошо. Я лезу на сиденье водителя, предварительно сняв пиджак. Вот он и не понадобился. В машине душно и пахнет клеем. На зеркале заднего вида качается пластиковый исцарапанный дельфин. Я трогаю его пальцем, раскачиваю.

— Заводи, — приказывает Вадик, не давая мне потупить. — Помнишь как?

— Помню.

Машина кое-как оживает с моей помощью, мы выезжаем на бульвар и сразу встаем в пробке.

— Что делать думаешь?

— Потребую деньги.

— Отдаст?

— Не знаю. Надеюсь. — Мне становится жалко себя.

— Хочешь, я с тобой пойду? Нажмем на него.

— Не, я сам.

Вадика уже выслали из России за коллекцию неоплаченных штрафов. Его не было больше месяца. После «нажима» на Геннадия Вадика могут навечно выслать в родную Молдавию. Мне бы этого не хотелось.

— Сам справлюсь, — говорю.

— Как знаешь. Со второй на третью переключай.

Я неуклюже переключаю скорости. Качается исцарапанный дельфинчик на зеркале заднего вида.

2

Попрощавшись с Вадиком, направляюсь к злосчастному офису. Идея такая — говорить с Геннадием, требовать. Если не отдаст деньги, схватить у Геннадия со стола ежедневник и уже потребовать деньги в обмен на ежедневник. Есть подозрение, что последним он дорожит.

Немного наивно. Немного по-детски. Но шанс есть.

Сажу на ресепшене, жду, когда меня примет Геннадий.

На полке массивная бронзовая статуэтка Орфея. Это приз «Тэфи» за лучший сериал. Словно Оскара заставили встать на колени и разорвать себе грудь. Так вот, на коленях, с дырой в груди, и стоит Орфей-Недооскар. Стоит и думает: «Больно, блин. Надо было разорвать что-то другое».

Перевожу взгляд на медленно печатающую девушку-секретаря. Что она печатает? Судя по выражению лица, некролог своей кошке по кличке Петунья: «Покойся

с миром, дорогой мой пушистик. Ты скрашивала мое одиночество долгими московскими вечерами. Ради тебя я выгнала одного за другим трех своих ухажеров и не жалею. Твои глазки, твои щечки, усики до сих пор стоят у меня перед глазами. Не довязала я тебе коврик, не успела...»

Открылась дверь. В щель высунулась усатая голова Геннадия. Вы носите усы — это плохо. Хуже, когда вы носите усы и стилизованную ковбойскую шляпу. Уверен, у Геннадия дома коллекция ковбойских шляп. Темными зимними вечерами он надевает одну из таких шляп, самую пошлую, и перед зеркалом строит из себя ковбоя Мальборо.

— Заходите, — говорит Геннадий.

Заходит солнце, думаю я злобно и вхожу в кабинет мучителя.

Геннадий садится за стол в мягкое, крутящееся кресло, закидывает ногу на ногу, смотрит на меня с едва уловимым оттенком сожаления.

Я перевожу взгляд с его не милого мне лица на стеклянный гроб, висящий прямо над головой моего мучителя.

All you need is love, — и, не побоюсь этого слова, — she loves you, yeah, yeah, yeah...

Гитара самого сладкого бас-гитариста шестидесятых. Ну, и семидесятых, если быть точным. Ну, и бас-гитара, если быть совсем точным. Бас-гитара над головой. Четыре струны, каждую из которых, возможно, ненавидела Йоко Оно. Где он ее откопал, где нарыл, достал, надыбал? Геннадий всякий раз рассказывает по-разному. Говорил, что купил на аукционе, назвав такую цену, что все выпали в осадок, закрыли аукцион и двери его забили досками крест-накрест. Говорил также, что гитару подарил, ну, сам Пол Маккартни, у которого он был в гостях (боже, какое вранье). По другой версии, Геннадий получил гитару в подарок от другого, еще более алчного продюсера. Если так, думаю, это был подарок в честь дня продажи души.

— Я знаю, зачем вы пришли, — говорит он.

— И? — отвечаю я.

— Во мне борются два чувства.

Надо же, думаю, у тебя есть чувства.

— Мне неудобно, — говорит Геннадий, — а потом я сам думаю, почему мне неудобно, и понимаю, что мне... что я как бы ничего такого не должен делать.

Я сразу отмечаю слова «не должен» и напрягаюсь еще сильнее.

— Я прочитал ваш синопсис.

— И?

Усы у него точно крашенные. И краска эта остается на криво нарезанных бутербродах с докторской колбасой, которые он жрет на завтрак.

— Нормальный синопсис.

Нормальный?! Будь ты проклят во веки веков! Он гениальный! И потом он подробный, как договаривались! Пятнадцать страниц убористого текста! Месяц работы!

Геннадий продолжает, глядя мне в глаза и нехорошо улыбаясь в паузах между предложениями:

— Сейчас уже снимают фильм на эту тему.

— Я ничего про это не знаю, — шейные позвонки осыпаются, как конструктор «Лего», голова перестает держаться, и ее ведет то вправо, то влево. Боже, как я слаб.

— Про пикаперов.

— Говорю вам, я ничего про это не знаю.

— Ну, а мне чего делать? — переходит гад в наступление. — Темы похожие. Сериал запускать бессмысленно, поймите.

И он, безобразный койот, еще ищет у меня понимания.

— Так это хорошо, — говорю я. — Фильм, а потом сериал на эту тему, на волне фильма.

— А если фильм будет unsuccessful? Нет, — качает головой Гнида Геннадий, — запускаться с этой историей нет смысла.

Момент Икс.

— Но я все равно хочу получить за него... — останавливаюсь и добавляю: — ...деньги. Вы обещали. Мы договаривались.

— Я не понимаю, с какой стати я должен платить за то, что мне не нужно.

— Но мы договаривались!

— Мне не подошел материал, повторяю, — говорит мне Геннадий. — Хорошо, — добавляет он, — я заплачу по договору.

Осчастливил, батюшка! Заплатит он пяточок медный, ржой траченный!

— Мы договаривались на другую сумму, — говорю. — Я месяц почти вам синопсис писал!

— Это не моя проблема, — говорит Геннадий, пожимая плечами.

Захлебнувшись в мутной волне негодования, я сбиваюсь с дыхания, глотаю горькую воду обиды и выныриваю с желанием заплакать все в том же кабинете бессовестного Геннадия. Улыбка на его лице похожа на шрам от аппендицита. О, как я слаб! Аргументы, где вы?!

— Мы же договаривались, — повторяю я, как попугай Флинта.

— Радик, мне не подходит то, что вы сделали, — повторяет он.

— Значит, не будете мне платить? — спрашиваю я почему-то басом.

— Нет, — отвечает Генка-гангренка.

— Тогда я обещаю, что об этом случае узнают все мои знакомые сценаристы. А у меня их много...

— Мне кажется, вы мне угрожаете? — спрашивает или просто констатирует Геннадий.

Не с руки мне сейчас разбираться в интонациях. Об меня вытерли ноги. И это уже не в первый раз. Сценарист, ты в России бесправнее самого последнего гастарбайтера. Его иногда из жалости кормят китайской растворимой лапшой.

Если вы родители и ваш сын хочет стать сценаристом, свяжите его, пока он спит, отвезите в глухую русскую деревню на границе России и Украины, заточите в монастырь, отнимите паспорт, наймите гипнотизера, в конце концов! Промойте парню мозги! Обещаю, вы не пожалеете. «Самая неблагодарная профессия на земле» — вот что должно быть вышито люрексом на нижнем белье каждого сценариста.

Если же ваша дочь захочет стать сценаристом, не препятствуйте. Пусть. Из девочки все равно хорошего сценариста не получится.

Так вот, я попытался прожечь Геннадия взглядом. Но ошметок бездушной белковой массы остался равнодушен к моему супервзгляду. В аду у таких продюсеров, как Геннадий, начинают с адской скоростью расти усы. А затем они вечно бродят по юдоли скорби (там левостороннее движение), перепачканные вулканической пылью, волоча за собой пятиметровую волосню.

Получив отказ, я, как всегда, начал суетиться и растерял силы, потребные для аргументированной обороны. Вставая, чтобы уйти, ищу глазами на столе Геннадия блокнот (ежедневник), который можно было бы схватить и унести тайно. Или унести, не таясь, высоко подняв над головой и сардонически хохоча. Но перед моим мучителем лежит только планшет с проводом, воткнутым в розетку.

Его, может, и получится выдернуть с первого раза, но ведь он, собака, наверняка запаролен.

Несу бремя позора на плечах. Иду к двери. Геннадий и не думает со мной попрощаться. Стали бы вы говорить «до свидания» половому коврику?

И еще одна ошибка резидента — я хлопаю дверью. Зачем? К чему? Жест отчаяния! Театр одного драного актера! Проигрышный ход. Шахматист поднимает фигуру и ставит ее мимо доски. Накажу кондуктора и выйду из троллейбуса. На ходу. В Северном Тушино. Ночью. Зимой.

Волочу ноги дальше и вдруг... (В сценарии я никогда не пишу «вдруг» и «неожиданно». Дурной тон.) Вдруг я понимаю, как смогу уесть подлого продюсера.

Бас-гитара Маккартни! Этого музыкой англи (иврит). За спиной Геннадия

в плоском стеклянном гробике. Гитара, похожая на скрипку. Очевидно, что гитарой заморской Геннадий дорожит.

Я украду гитару Маккартни и заставлю продюсера заплатить мне за работу.

На ресепшене девушка-секретарь встречает меня взглядом, в котором легко читается сочувствие. Неужели проигрыш написан на моем благородном лице?

— Вам кофе сделать?

— Обычно кофе предлагают до встречи.

— До встречи я не успела. Печатала договор. Срочно.

— У вас есть зеленый чай?

— Жасминовый.

— Прекрасно.

— Дайте мне минутку. Мне нужно раздеться, я подам его голой!..

Это уже я фантазирую.

Кристина (такое вот имя) приносит мне чай. Я пью, представляя, сколько таких же лузеров хлебало из этой вот чашки, и желание похитить гитару Маккартни крепнет.

Кристина — добрая душа, смотрит на меня не отрываясь, как школьник — на рекламу «Кока-Колы». Отвечаю ей взглядом кротким, незлобивым, уступчивым и покорным. Кристиночка улыбается.

Пожалуй, я был к ней несправедлив. Людей надо любить. Женщин тоже. Заставляй себя любить, заставляй себя любить людей, говорит Библия на тумбочке. Не могу я любить всех, говорю я Библии на тумбочке, мне себя бы полюбить. Ты любишь себя регулярно, говорит мне Библия на тумбочке. Вы имеете в виду мое безудержное рукоблудие? — спрашиваю я. Нет, говорит Библия на тумбочке и умолкает.

— Давно работаете? — спрашиваю я Кристину. (Светский персонаж, на хромой кобыле не объедешь.)

— Почти два месяца. Мне нравится, — добавляет она грустно.

— Как часто вы спите с Геннадием? — конечно, я не спрашиваю этого вслух.

Я ставлю чашку на стол, откланиваюсь и направляюсь по коридору, ведущему вон из офиса. По дороге заворачиваю в туалет и обнаруживаю путь к успеху. Такие как я часто находят путь к успеху в туалете (самоуничужение паче гордости).

Напротив умывальника в туалетной комнате — маленький коридорчик, типа аппендикса. Здесь нахожу пустые бутылки из-под воды для кулера. Решаю досидеть здесь до конца рабочего дня, дожидаться, когда офис опустеет. После выйти, спереть гитару. Позвонить Геннадию и говорить с ним уже с позиции силы.

Сижу пятнадцать минут и понимаю, что это самый глупый план, который когда-либо существовал на этом свете.

Вылезаю из коридорчика именно в тот момент, когда беспечная Кристина решила посетить юдоль журчащей воды. Как человек благородный говорю ей:

— Бонжур.

— Ой, — отвечает мне Кристина. — Что вы здесь делаете?

— Я ходил в туалет, — отвечаю.

— Вы же ушли.

— Значит, не ушел, — говорю я.

— Вы меня напугали.

Я принимаю это как комплимент и выхожу с гордо поднятой головой.

3

— У него есть машина? — спрашивает Вадик.

Мы вкушаем пельмени на улице Маросейка полчаса спустя после посещения офиса вонючего Геннадия.

— Джип. Рядом с офисом стоит.

— Давай ему шины спустим.

— Вадик, я люблю месть. Все сценаристы очень любят мстить. И часто, за неимением адресата, мстят сами себе. Но месть в данном случае неприемлема. Мне нужны деньги. Я уже чувствую зловонное дыхание Хитлы. Я не хочу отправляться обратно в Рьльск.

— Выгонит — живи у меня, — говорит благородный Вадик.

— Спасибо, но Печник нас неправильно поймет.

Печник — это еще один житель нашей коммуналки. Он занимает дальнюю по коридору комнату, сразу за комнатой (не к ночи будет помянут) артиста Машковского. Печника никогда не бывает дома. Он кладет печи, как подорванный. Приезжает в Москву после очередной кладки. Запирается у себя в комнате и пьет примерно три дня. После, синий телом и унылый духом, показывается на общей кухне и пьет уже картофельный сок, выжимку из сырого пом де терра, видеть которую невозможно, не говоря уже о том, чтобы принять ее внутрь. Печник, напротив, считает, что ничто так не «оттягивает, нах». Не стану с ним спорить.

— Украдешь гитару и что?

— Позвоню ему, скажу, гитару в обмен на деньги.

— Он скажет, да, согласится, а потом позвонит ментам, те приедут и тебя возьмут.

Вадик прав, думаю я.

— Ты прав, — говорю я и смотрю на пельмени, которые остывают в моей тарелке, как сердца зрителей, выходящих на улицу после хорошего спектакля.

У Вадика есть еще одна идея:

— Тебе нужно к нему вернуться.

— Нет.

— Нужно, — кивает Вадик. Он всегда говорит ровным, спокойным голосом и вообще НИ-КОГ-ДА-НЕ-ВОЛ-НУ-ЕТ-СЯ! Можете себе представить?

— Я к нему не пойду, даже если на меня наденут ростовую куклу Собянина и пригрозят сбросить в таком виде с башни «Федерация».

— Тебе нужно вернуться, — настаивает Вадик. — Скажи ему, мол, хочу еще раз попробовать. Давайте сотрудничать. Давайте исправим ситуацию. Я буду писать, что скажете...

— О Боже!

— Да-да, будь умнее. Иди на контакт. Золотые горы обещаю. Пусть он поведется.

— И потом что?

— Узнаем потихоньку его слабое место, и он нам все деньги отдаст.

— Не думаю.

— А ты и не думай. Тебе думать вредно. Делай и все.

— Интересно, здесь пельмени сами лепят?

Вадик смотрит строго:

— Ты разговор на другую тему не переводи!

Вадик — человек серьезный, семейный. У него в Молдавии жена, двое взрослых детей, а на шее у него вырезанный своими руками крест. Вадик отсылает деньги своей семье. А я отсылаю свои деньги руководству магазина «ZARA», в котором спускаю гонорары.

Не хочется идти на поклон к Геннадию. Тем более, я убежден, что я — гений.

— Я — гений, — сказал я Вадику.

Он не удивился. Я сто раз ему это уже говорил.

— Знаю, — сказал он. И добавил: — Пора взрослеть.

— Фак, — сказал я и добавил: — Я хлопнул дверью.

— Что?

— Я хлопнул дверью, когда уходил.

— Это ничего не значит. Скажешь, погорячился, туда-сюда, и попросишь дать тебе работу.

— Ты не понимаешь специфики!

— Да неужели?

— Да! — сказал я. — Ты не понимаешь специфики! Прошлый сценарий про пикаперов он мне заказал. А в этот раз я к нему пойду просить. Он меня по условиям опустит.

— Он тебе уже ничего не заплатил, — сказал Вадик. — Думаешь, может быть хуже? Я вновь задумался. Вадик был прав.

— Сегодня не пойду, — сказал я, — тошнит от него. Завтра пойду.

— Не ходи, — согласился Вадик. — Сегодня пойдем к девкам.

Я отказался категорически. Девки — это громко сказано. Две малярши из Кривого Рога. Они смотрят на тебя, как на банку малинового варенья. Секс с ними не имеет никакого смысла, потому что они делают все, что ты хочешь. Исполняют все твои желания. Заглатывают тебя целиком и, пожевав, выплевывают. Это неинтересно. Решительно неинтересно.

После обеда тропы наши разошлись. Вадик уехал на строительный рынок. Я же отправился домой «писать свое».

Не дойдя до дома, снова позвонил Вадик.

— Чего? — спросил он.

— Поехали к девкам.

— Ну, другое дело!

4

Вы когда-нибудь держали в руках маракасы? Настоящие, сделанные из кокосовых орехов? Старые маракасы, гладкие, отполированные черными шаловливыми руками. Я держу их сейчас. Это божественно. Слово сжимаешь... Ладно, не буду ни с чем сравнивать.

Внутри маракас пересыпаются зерна сомнения. Я трясу маракасы с закрытыми глазами: шух, шух, шух, шух... Зачем я здесь, а не в пасмурном Берлине? Как справиться с загрязнением окружающей среды? И почему тварь Хитла опять вошла в мою комнату без стука, толкнув дверь плоской задницей?

Я откладываю маракасы и открываю бутылку. Наливаю шампанское в кружку. Глотаю и сплевываю в цветочный горшок. Шампанское оказывается кислым.

Девки из Кривого Рога не оказалось дома. Срочная работа. Обновить пыточные комнаты в Министерстве обороны. Содрать старую серпянку, не повредив микрофоны прослушки. Наклеить серпянку новую и покрыть все помещения водоотталкивающей краской цвета свежей крови.

Вадик поехал на очередной заказ: собрать вешалку плюс починить хозяйское кресло. А я, безрукий, вернулся домой.

Шампанское затыкаю пробкой и ставлю в ящик. Скажу Хитле, открылось само.

— А фольга? — спросит она.

— Фольга сама разорвалась от старости.

Стою в центре комнаты и не могу сообразить, что мне делать, кроме как жалеть себя. Это я всегда успею. Решаю перекусить. Но соблюсти при этом золотое правило: не обжираться. Итак, плавленый сырок, пачка, нет, полпачки ржаных хлебцев...

— С какой стати? Они диетические!

— Хорошо, уговорил, пачка.

Зеленый чай. Он, по слухам, что-то там хорошо растворяет. Огурец. Помидор. Вот он, ужин аристократа.

Тут я слышу звонок. У всех нас — у Хитлы, Вадика, Печника, Машковского и меня — есть ключи. Значит, ошиблись дверью, решаю я. Но звонок повторяется. Кто-то нажимает на кнопку звонка, внешне очень похожую на сосок. (Здравствуйте, я — Радик Педалькин. И я — эротоман.)

Плетусь открывать. На пороге мужчина в кожаной куртке, с глазами, расползающимися в разные стороны. Он называет мое имя. Я осторожно соглашаюсь.

Мужчина сует мне в нос удостоверение. Успеваю разглядеть российский флаг — белые облака, синее небо, красная кремлевская стена.

— Что случилось? — спрашиваю, дохнув на Косого кислым винным ароматом.

— А вы не знаете?

— Нет, — но желудок начинает сжиматься, предчувствуя беду.

— Убит продюсер Геннадий К.

— Чего, правда? — спрашиваю я, растеряв столичный лоск, в рыльском стиле: подав голову вперед и хилые (не очень-то) ручки тоже выставив вперед, словно помогая самому себе вытолкнуть фразу. У меня, наверное, и акцент появился. Хотите знать, какой в Рыльске акцент, поезжайте туда, встаньте на пересечении улицы Ленина и улицы Розы Люксембург и громко крикните: «Суки вы все!» А дальше слушайте, слушайте, слушайте. Свежий ветер принесет вам много интересного. Если зажигалки нет, мужики в Рыльске снимают портянку, говорят в нее что-то душевное и портянка загорается. А после хоть прикуривай, хоть ведьму поджигай.

— Чего, правда? — говорю я с рыльским акцентом.

— Нет, — говорит Косой. — Его ограбили. Разрешите войти.

И я разрешаю. За это Вадик будет обзывать меня страшными словами. Зачем, зачем я разрешил? А потому что не сообразил, буду твердить я в ответ. Не каждый день вы слышите о том, что вашего заклятого врага лишили ценного имущества. Почему бы вам на радостях не пригласить к себе в комнату следователя?

5

Пётр Павлович. Так звали человека-закон. Я, садясь напротив него на кухне, конечно, струхнул. Да что там говорить, меня от страха даже повело слегка. Словно школьника, который в первый раз затянулся сигаретой без фильтра. И закружились стены школьного колодца, и потекла нечаянная слеза, и появилась неожиданно директор школы Наталья Ивановна в красном вельветовом комбинезоне, которому сносу нет.

— Можно курить? — спросил Пётр Павлович, пытаясь смотреть мне прямо в глаза.

— Нет. Хозяйка запрещает.

— Правильно. По закону нельзя, — говорит Пётр Павлович, достает сигареты и закуривает.

— Чаю? — спрашиваю.

— Нет.

Я уже хочу, чтобы этот день скорее закончился. Уймитесь, вечерние птицы, а ты, солнце, скройся с глаз долой. Приди, темнота, друг молодежи, уйди, Пётр Павлович, косой блюститель закона!

— Вы были сегодня в офисе Геннадия К.?

— Был.

— Зачем?

Говорить ли правду? Решаю, пока можно говорить.

— Я приходил по поводу сценария. Вернее, синопсиса.

— Синопсиса?

— Это то же самое, что сценарий, только короче.

— Ясно.

Ничего тебе не ясно, думаю.

— Можно тоже сигаретку? — это спросил не я. Чужой голос внутри меня исторг эту глупую просьбу. Я курю только в исключительных случаях. Даже после секса не всегда. Только после незащищенного секса.

Пётр Павлович, красавица, без разрешения берет блюдо со стола Вадика и приспособливает его под пепельницу. Я заметил, что сотрудники органов курят, не замечая дыма. Они не пускают колец, они не наслаждаются созерцанием синеющих

облаков, причудливо меняющих форму. За фразу «эстетическое наслаждение» они, пожалуй, могут и прижечь той самой сигаретой, которую суют в рот и вытаскивают изо рта, почти не замечая.

А я ведь эстет, как Оскар Уайльд (Оскар Уайльд из Рыльска), боготворю все красивое. Могу бесконечно смотреть, как тонкие женские пальцы доброго бухгалтера отсчитывают мне купюры. Одну за другой. Да и сами бумажные деньги, их строгая красота, меня завораживают.

Глаза блюстителя порядка — как часовые: они ходят по разные стороны кремлевской стены и не суждено им встретиться возле переносицы. Тем не менее Пётр, драть его, Павлович, дело свое знает и продолжает наседать на звезду кинематографа:

— Что вы делали в туалете?

— Писал, — отвечаю.

— Так долго? — один глаз Петра Павловича буравит меня насквозь, другой же глаз этого не вполне приятного человека буравит ряды солений, запасы незабвенной Хитлы.

— Я очень хотел писать.

— Вас застала в туалете секретарь пострадавшего.

Бухнуло тяжелое слово «пострадавший» в моих палатах, и, кажется, просели полы, треснули, раздались стены, и зеленый ядовитый туман начал расползаться клубами, поднимаясь снизу.

Ну, и тут я решил начать врать, потому что не знал, други, что говорить дальше. И правда, прозвучи она, навлекла бы на меня большие подозрения. Но вот вранье, которое я, как джинна, выпустил из бутылки, повернуло мою жизнь на сто восемьдесят. Ну, или, ладно, на сто пятьдесят градусов.

— Я ждал ее, — говорю.

— Кого?

— Кристину.

— Зачем?

— Специально ждал.

— Зачем?

Разноглазый (по меткому выражению Гумилёва) полицейский ажно подался вперед всем корпусом. Курить забыл, рот приоткрыл. А в комнате моей стало почему-то пахнуть кирзовыми сапогами.

— Я в нее влюбился.

— Чего? — не понял Пётр Павлович.

Когда в последний раз Пётр Павлович произносил слово «люблю»? И при каких обстоятельствах? Например, «на дыбу подвешивать не ЛЮБЛЮ, криков много».

— Я люблю ее, — повторяю, глядя Церберу прямо в глаз.

— А зачем прятался?

— Ждал ее.

— В сортире? Ты что, извращенец, что ли?

Такой поворот разговора мне не нравится, и я говорю:

— Почему это?

— Ну, сидел в туалете, ждал ее. Зачем? Напасть на нее хотел?

Вот тебе раз! Чем дальше в лес, тем больше гномов.

— Я что, извращенец, что ли?

— Так вот я и спрашиваю, ты что, извращенец, что ли?

Ну, и я пускаюсь в объяснения. Мол, влюбился я в Кристину с первого взгляда, еще во время первого посещения Геннадия. Потом только и думал о ней. А когда пришел во второй раз, очень захотел с ней поговорить...

— Но ей было некогда. И я решил ее подождать.

— В туалете? — возвращается косоглазый к неприятной теме/месту.

— Да, — отвечаю с напором, — в туалете. Потому что я нерешительный.

Я волновался, ясно? Я нервничал, потом пошел умыться в туалет. Потом там задержался. Смотрел на себя в зеркало. И по лицу у меня медленно стекали капли воды... (Эта фраза явно была лишней. Полиция аж передернуло.) Я задержался в туалете, не решаясь выйти и предложить ей...

— Что? — перебивает меня Пётр, его душу, Павлович.

— Я хотел ей предложить пойти на свидание.

— А она?

— Она вошла в туалет как раз в тот момент, когда я захотел оттуда выйти.

— Вы, значит, решили оттуда выйти? — спросил Косой, затушил окуроч да еще и плюнул в блюдечко. Кэль шарман!

— Ну, конечно! Не веки же вечные мне там сидеть!

— Что было дальше?

— Ничего не было, — отвечаю, — мы столкнулись в туалете. Она сделала «ой»! Я тоже почувствовал всю глубину дискомфорта и ушел.

— Просто ушел?

— Да, ушел.

— Просто ушел?

Да он еще и тупой!

— Да, ушел. А что?

— Вопросы здесь я задаю.

Он тупой и злой.

— Я просто ушел.

— И не предложили ей пойти на свидание?

— Нет. Я постеснялся.

Петр «Косой Глаз» ухмыляется. Ну, конечно, он никогда в жизни не пасовал перед девушками. Это потому, что девушек в его жизни не было! А были пахнущие котлетами матумбы, строящие из себя девочек и на первом свидании сующие тебе в рот пористый язык. Тьфу! И я даже не буду представлять себе его жену. Это нечто тошнотворное, я уверен.

А Петя, доставая еще одну сигарету, поворачивает оглобли назад:

— Шипенко сказала...

— Кто сказала?

— Кристина Шипенко. Секретарь.

Вот так фамилия у моей подлой предательницы.

— Она сказала, что вы ждали ее не в туалете.

— Я никого не ждал!

— Она сказала, что вы вышли из помещения рядом с туалетом. Что вы там делали?

О, я теперь, как блестящий шарик в пинобольном автомате (производство Китай) мечусь, толкаемый вздрагивающими пеньками, врезаюсь в светящиеся столбики, отскакиваю от них как ошпаренный и вновь получаю вздрагивающим пеньком в лоб, чтобы катиться далее и быть вдругорядь биту.

— Я ничего там не делал. Я просто посмотрел, что там.

— И что там? — осклабившись, говорит «Косой Глаз».

— Там ничего особенного. Тряпки, бутылки пустые. Лестница.

— Лестница?

— Да, — отвечаю, — складная лестница. — А сам думаю: да он надо мной издевается, зараза.

В качестве компенсации представляю себе прокуренные легкие этого типа, желто-коричневые, в подтеках, неприятные. Душевное равновесие, впрочем, не желает восстанавливаться.

— То есть вы зашли посмотреть, что там, и тут вошла Шипенко?

— Точно так.

Стараюсь смотреть своему мучителю прямо в глаза. Полуправду говорить много

сложнее, нежели откровенную ложь. Пиноккио, деревянный человечек, знал об этом. Поэтому никогда не мешал правду и ложь. Лгал, не жалея носа.

Пётр Павлович касается грязными кирзовыми руками деликатных чувств.

— Так она вам до сих пор нравится?

— Кто? — переспрашиваю и моментально поправляюсь: — Кристина? Да, конечно, нравится. Конечно! Очень нравится!

— Так и не позвали ее на свидание?

— Собираюсь, — говорю. — Сегодня.

Тебе-то какое дело, думаю.

— Пока не позвал, — повторяю. — Но сегодня собираюсь позвать.

— У вас есть ее номер?

— Нет. Я собирался зайти в офис.

— Сегодня?

Косоглазик смотрит на часы, верно, снятые им поздней революционной ночью с руки несчастного юноши, замученного в лубянских застенках.

— Да, сегодня, — говорю я.

— Уже половина шестого. Поздно. Потом, в офис нельзя. Там проходят оперативные мероприятия...

Представляю себе. Следователи запираются изнутри, надевают стринги, натирают друг друга ароматным маслом и танцуют под Донну Саммер.

— Тогда я пойду к ней завтра, — говорю я, чувствуя, что мой воображаемый нос растет со скоростью звука. Кончик его тянется по Тверской, пролетает по Ленинградскому проспекту и распарывает город Химки напополам.

— Да. Завтра она будет, — говорит Пётр Павлович, размышляя. — Но Геннадия Андреевича на месте не будет.

— Мне он не нужен, — говорю, — мне нужна только Кристина!

Допрос после этого продолжался не особенно долго. Странные вопросы, включая «Как вы себя чувствуете?» Полицейский видимо решил меня запутать, заставить проговориться или просто понаблюдать, волнуясь ли я. Я волновался, не скрою. Волновался, не треснет ли голова у полицейского чиновника от чрезмерного хитроумия.

— А как его ограбили? — спросил я.

Пётр Павлович лицом окаменел, нос заострился, глаза пуще прежнего разбежались в разные стороны света:

— Это рано покудова говорить.

Так и сказал: «покудова»!

Палыч, помилосердствуй, из какого канализационного люка ты вылез? Какие уличные голуби тебя вскормили, принося в клювах крошки панировки из «KFC»?

— Преступник унес дорогую гитару! — Косой буравит меня одним глазом, силясь заметить, дрогнул ли я, сглотнул ли горький ком, прошелся ли рукой по волосам.

Я спокоен. Шизик, а не вор. Смотрит выпускник Всесоюзного государственного института кинематографии на своего мучителя почти без страха.

6

Тот же вечер. Десять минут спустя после ухода полицейской силы. Выхожу, задумчивый, из дома. Покупаю у метро жвачку, возвращаюсь dans la maison. Дома включаю диск «Бах для младенцев» и начинаю подпольную медитацию. Руки сами собой тянутся к маракасам, но я заставляю себя позвонить Вадику. Слава Богу, он недалеко от дома. Спазматическое ожидание. И вот он появляется, мой дорогой друг, неся чудовищную пластиковую баклажку с квасом.

Выслушав сбивчивый рассказ, называет меня ослом.

— Тебе нельзя было его пускать!

— Я знаю.

— Зачем пустил?

- Не сообразил.
- Ну и осел.
- Согласен. Налей кваса.
- Не заслужил!
- Я в беде, Вадик. Меня в ограблении обвиняют. Возможно.
- Не ссы. Еще ничего не ясно.
- Ну да, не ясно. Стал бы он сюда приходить.
- Вадик разлил квас по стаканам и задумался.
- Чего там с этой секретаршей?
- Я рассказал еще раз. Отхлебнул квас. Он оказался пивом.
- Надо тебе к ней завтра идти и на свидание ее приглашать, — сказал Вадик.
- Ты чего, совсем, что ли?!
- Что бы там с твоим Геной ни произошло, у тебя должна быть отмазка — ничего не знаю, ждал в туалете свою любовь.
- Да не ждал я там никого!
- А как правильно?
- Я менту сказал, что решался, подойти или нет.
- Вот, — подхватывается Вадик, — решался, сидя на очке.
- Заканчивай, а!
- А зачем ты вообще там спрятался?
- Это был неприятный вопрос. Вадика я соврать не смог.
- Хотел гитару украсть.
- Мы же с тобой говорили.
- Говорили, да. Но я все равно решил...
- Ну и осел.
- Спасибо тебе большое.
- Помолчали. Я молчал, отвернувшись. Услышал голос Вадика, который не сильно расстроился из-за моего неуклюжего бойкота.
- Хреново, что ты оказался не там, где надо. Но такой ты человек. Сейчас твоя главная забота — секретаршу убедить в своей неземной любви.
- Ага, шаз-з-з.
- Это не шутка, Радик.
- Я представил себе Кристину. О, Боже, нет нужды говорить, что это не мой идеал. Это не мой идеал, хотя бы потому, что я не могу вспомнить, как Кристина Шипенко выглядит. Нечто серое с волосами. Кажется, в платье. Что еще? Наверное, есть серьги. Должны же быть серьги. «Секретарша и серьги» — новый концертный диск рок-группы «Французский прононс»!
- Любовь по принуждению! Против воли и чувств!
- Люби её! — сказала старая жирная бабка-крепостница внуку Мишеньке Лермонтову, и поэт сбежал на Кавказ. Из имущества пистолет да помада для жидких усишек.
- Мне бежать некуда. В Париже никто не ждет, на Кавказ сам не хочу. Хотят видеть в Рыльске, но туда я, ветренный, сам не желаю. Утонуть в шелухе от семечек я всегда успею.
- Выйди, Рыльск, из моей памяти, закрой дверь на ржавую щеколду с той стороны. Московские серые улицы милы мне отныне, голуби-губернаторы, кривые деревья в химической пыли, холодные каменные заборы, прохожие без рода и племени, честололюбивые девочки-чистюли, девочки-жлобы, девочки-коврики для йоги, девчонки-жвачка за щекой, музыка Караяна из открытого окна Бентли и новый черный асфальт, остывающий на каменной мостовой пятнадцатого века.
- Как сложно жить. Не хочу быть сценаристом. А хочу быть пиратом. Держать свою старую, добрую посудину возле метро «Водный стадион» и ночью, когда Москва спит, выходить на грабеж и разбой на канале Москва-реки. Хочу брать на абордаж водные трамвайчики и пускать их ко дну.

Майские праздники. В динамиках поет Лещенко дурным голосом, и трамвайчик, накренившись не слишком, впрочем, сильно, уходит под воду. Неверные тушинские воды смыкаются над головами Вианы, Маргариты Сергеевны, над головой Иванова-Петрова-Сидорова и кого-то там еще. Остается на водной глади плавать билет на бесплатное окрашивание в парикмахерской на улице Вилиса Лациса.

7

Утром нового дня выхожу я, продукт полусоветского воспитания, self made рылский мап, на Чистые пруды, где бегают люди в шелковых шортах напрямик к своему инфаркту миокарда, отправляюсь в офис к гниде Геннадии, надеюсь не застать самого Геннадия на месте, поскольку не знаю, как буду смотреть продюсеру в глаза, хотя я и не крал у него даже скрепки.

Геннадия, как и говорил Косой, нет в офисе. Кристина же сидит на своем месте и смотрит на меня взглядом ребенка, который не хочет, чтобы ему мыли попу.

— Доброе утро.

— Доброе, — говорит Кристина.

Оказывается, она немного картавит. И где серьги? Их нет! Даже уши, кажется, не проколоты.

— У вас есть кошки? — спрашиваю я.

— Нет, — отвечает Кристина, — у меня аллергия.

Немного сдулся человекоевед, но не сдается, не сдается:

— Как вы попали на эту работу?

— Это допрос? — Кристина смотрит на меня.

Тут я торможу, сбавляю обороты. И то правда, разошелся не на шутку. Пришел, типа, ухаживать, а сам ведет себя, как Порфирий Петрович, человек без фамилии.

— Простите, Кристина, я...

В этот неприятный момент из кабинета Геннадия вылезает Косоглазый, смотрит на меня и на Кристину, ничего не говорит, но и не уходит. Проверяет, патрон ему в дуло! Следит, наследник мучителей ГУЛАГа.

Чтобы рассеять его подозрения, наклоняюсь к Кристине и говорю ей лирическим баритоном:

— Меня зовут Радик.

— Я знаю.

— Когда вы заканчиваете?

— Это сложно, — отвечает она. — У нас случилась кража (случилась, ха-ха!).

У Геннадия Андреевича из кабинета украли гитару.

— Я знаю, — говорю, — меня уже допрашивали.

(Щекотливый момент, ведь она же на меня настучала, Кристина-Скромница, тук-тук-тук.)

Кристина на мои слова реагирует сдержанно. Никак не реагирует, иными словами. Смотрит в сторону. Глаза у нее довольно большие — описать подробнее пока не получается, сравнить тоже пока не знаю с чем. Что же, отыщется сравнение, не за горами это время.

Хотя нет. Опишу. Для сценариста внешность персонажа не особенно важна, чтобы там сценаристы ни говорили. Бог его знает, кто там будет пробоваться на роль и кто в итоге пройдет пробы. Важны поступки героя. В нашем случае — героини.

Кристина была вежлива со мной. При первом появлении. Это плюс. Но настучала на меня Косоглазика — это минус. Да еще какой.

Мент поганый тем временем скрывается в кабинете. Одной гадостью становится меньше.

— А как это случилось?

— Я не знаю. Геннадий Андреевич отсутствовал. Он в аптеку пошел за лекарствами.

Яд у него закончился, не иначе.

— Его не было где-то полчаса, что ли. Я здесь сидела. Никого постороннего не было, кроме вас.

Паразитка ты, паразитка.

— Нет, была еще режиссер, девушка. Вон в той комнате.

— Может, она взяла, — говорю.

Кристина отрицательно мотает головой.

— Она монтировала.

И что, думаю, монтаж — это оправдание?

— А когда Геннадий Андреевич вернулся, увидел, что гитару украли. Кофр пустой и открыт.

Наступает пауза, после которой Кристиночка, ангел из офиса, шумно вздыхает и добавляет:

— Это ужасно, конечно.

О, ты, дева, не знаешь, что такое ужасно!

— Хотите кофе?

Странно, думаю, преступник унес гитару и не тронул кофе-машину.

— Хочу, — отвечаю.

С паршивой овцы хоть шерсти клок.

Пью принесенный кофе и думаю, что она за тип. Это, определенно, не «Я — маленькая девочка, трахни меня». Также, конечно, не «Дама-гренадер». «Пиши-читай» — это мимо. «Мисс буддийская наколка» тоже не туда, не «Лебедь белая», не «Дам тебе из жалости», не «Хрустальная сова». Так кто же она? Не смотрит в глаза, но искренности не теряет. Среднего роста, но кажется маленькой. И почему, скажите, пожалуйста, она кажется не красивой, а только симпатичной, имея почти идеальные черты лица?

В голове проносится: «Я тебя своей Алёнушкой зову...» И я говорю ей очень вежливо, с легкой улыбкой:

— Не хотите выпить кофе? — И добавляю: — Со мной?

Кристина поднимает на меня глаза:

— Вы же уже пьете кофе.

«Же уже, жу уже, жу уже». Улыбка моя становится шире:

— В городе выпить. Где-нибудь outside.

Ой-ой-ой, Кристина, визуально смутившись, ноги под столом подобравши. Жду.

— Я могу, — отвечает. — Только после работы.

Дверь кабинета открывается, вырывается оттуда адское пламя. Нечистая косая рожа качается, как вчерашний блин на палке:

— Войдите.

Вхожу.

Бас-гитары в кабинете и правда нет. Пустая стеклянная коробка над письменным столом. Только мертвой царевны в ней не хватает.

Косой садится на место Геннадия. В кабинете играет радио «Шансон». Не нахожу источника звука. Скорей всего, звуки доносятся из задницы следователя.

— Похититель вынес гитару через окно.

Мы почти одновременно поворачиваемся к окну и видим на нем решетку.

— Да, — тянет следователь, — инструмент вынесли через окно, открыв решетку. Замок на ней несерьезный. Похититель, — тут Косой изо всех сил сверлит меня взглядом одного глаза, — похититель либо проник в кабинет через окно и бежал через окно с похищенным, либо проник в кабинет через дверь и опять же бежал через окно. Видишь, поломал стеклопакет. Вернее, замок окна.

Замок окна. Кусок говна!

— Как интересно, — говорю. — Вы меня подозреваете?

— С какой целью в тот день вы пришли к Геннадию Андреевичу?

Опять двадцать пять.

— Я уже говорил вам.
 — С какой целью?
 — Я уже говорил вам, я пришел за деньгами.
 Недоверие у Циклопа в глазу.
 — И еще я пришел к своей девушке, — вру не краснея. — Две причины было. Этого мало?
 Неубедительно. Цели героя дwoятся, так бы сказал редактор на канале.
 — Посмотрим, посмотрим, — говорит Косой.
 Каким глазом конкретно?
 Почему бы стеклянному гробу не сорваться со стены и не пробить его казенную голову? Нет, чудеса случаются только в песнях Татьяны Овсиенко.

8

Мы в комнате у Вадика. Мой практичный друг притащил откуда-то немецкую машинку для поклейки обоев: рама с валиками цвета серого берлинского неба. Как и несколько тысяч мужиков в этот самый момент, Вадик сидит на корточках, разглядывая машинку, которая ему досталась без инструкции. Я, весь в сомнениях, как арбатская дворняга в блохах: быть или не быть? Идти или не идти?

— Да иди, конечно, — говорит Вадик, не сводя глаз с чудо-аппарата. — Чего, попьешь с ней кофе, потрындишь. Завалишь разочек.

— Пардоньте, — говорю.

— Шутка, — говорит Вадик.

Молдавские шутки — самые смешные в мире. Чем ближе к Кишинёву, тем смешнее. Я злюсь, потому что не хочу идти на встречу с Кристиной. Не знаю, о чем говорить. Не уверен, что мне это вообще нужно. Гитару уродскую я не трогал. По идее, мне бояться нечего. Однако страшно. И Вадик подливает масла в огонь.

— Тебе лучше, конечно, прикинуться, что ты такой весь из себя влюбленный. А то могут крайнего из тебя сделать, — Вадик ловко отщелкивает валик от машинки, вертит его в руках. — Получится у тебя?

Вопрос на миллион. Время пошло.

Боюсь признаться, но я не влюблялся ни разу в жизни. Боже мой, это чувство совсем не для меня! Как можно любить кого-то, когда ты постоянно любишь себя самого? Можно хотеть кого-то, но любить... Романы были. Редкие пожухлые листья на осеннем дереве.

Тем временем Вадик, терзая немецкую машинку, повторяет вопрос:

— Получится у тебя?

— Получится?... — повторяю я слово, как эхо в бассейне, из которого слили воду.

— Это я тебя спрашиваю: получится? — повторяет Вадик раздраженно.

Радик и Вадик — два клоуна. Радик — клоун, который без ума от себя, и клоун Вадик, который без ума от немецкой самоклеяной машинки.

— Я приглашу ее на свидание, — говорю я другу.

— Молодец, — Вадик светлеет лицом.

— Хотя у этих отношений нет перспективы и смысла никакого тоже нет.

— В нашей жизни нет никакого смысла, — говорит Вадик.

Зачем он это сказал? Я теперь до вечера буду о сказанном думать. Две половинки мозга, как два пальца, большой и указательный, собирают дешевую мысль в щепотку и растирают ее в мелкую пыль.

НОВЫЙ ДЕНЬ. (Так и в сценариях пишут.) **НОВЫЙ ДЕНЬ.** Большими буквами. Чтобы артисты надели что-то новое и сняли то, что носили они в предыдущих сценах.

Сажу в кафе на Маросейке. Смотрю в окно. Жду Кристину. Я повожу головой, как конь, мать его, огонь, и стараюсь заметить что-нибудь интересное, чтобы убрать

это в писательскую копилку. Детали, детали, детали. Ничего примечательного. Женщина-гусеница, машины, машины, машины.

И вот она входит.

Она выглядит экзотически, для меня, по крайней мере. Белый верх, черный низ: белая пузырящаяся блузка и легкие черные брючки. Волосы распущены. Не такие уж они и длинные.

Я сам, кстати, выгляжу вполне stylish: черный верх, белый низ, новая майка с рисунком мороженого и надписью «I SCREAM».

— Соскучились?

— Соскучился? — ответил я на еврейский манер вопросом на вопрос.

Почему я не еврей, кстати? Достаточно сильно страдаю. Почему нос мой не... нет, не то. Почему я никого не могу убедить и склонить на свою сторону? Почему нет во мне особого запала, почему нет рыжих волос, паспорта «Даркон», счета в «Bank of Америка» и некоторой пикантной неприятности в характере? И кому сейчас я задаю этот вопрос?

Итак:

— Соскучились? — спрашивает меня Кристина.

— Соскучился? — переспрашиваю я, а сам удивляюсь — такой наглой я ее не видел. Наглая-наглая, как я, когда приехал в столицу. Не, ну, не как я — со мной сравниться мало кто мог. Отвечаю Кристине дальше, поддерживая игру: — Да, немножко соскучился.

Поддерживать разговор про чувства она не хочет и спрашивает:

— Вы уже что-нибудь заказали?

— Кофе, — отвечаю, — и воду.

И капнул кофе уже на белые штаны. Этого я не говорю.

— Я хочу есть, — говорит Кристина и смотрит на меня. Лицо ее меняется, словно это отражение в быстро текущей воде.

— Что вам заказать? — спрашиваю, открывая массивное меню. Внутри — фотографии блюд с немилосердными ценами. Бог свидетель, в Рыльске все дешевле.

Выбор ее не оригинален — салат «Цезарь» (Аве Цезарь!) и свежавыжатый сок. Хочу узнать о краже больше. Кристина готова отвечать на вопросы, не юлит, ничего, кажется, не скрывает.

— Как же так получилось? — спрашиваю.

— Не знаю, — отвечает Кристина, пожимая плечами. — Геннадий Андреевич заболел.

— Чем?

— Очень расстроился и заболел, — говорит Кристина.

Чуть надавив, выясняю, что наш душка Геннадий Андреевич в запое. Действительно расстроился, потеряв актив.

— Так любит гитару? — спрашиваю.

— Любит, — кивает Кристина.

— А играть умеет?

Подходит официант, принимает заказ. Я в своем сердце решаю платить за Кристину. С меня уже не убудет.

— Он играть не умеет, но очень любит «Битлз». А у вас какая группа любимая?

О, милая Кристина, моя любимая группа — это группа граждан, стоящих на морозе 2 января и ждущих автобуса, который отвезет их на службу в Рыльский мужской монастырь. Терпят мороз, голод и жажду, гонят от себя дурные мысли и молчат, искренне улыбаясь друг дружке. Делают все то, чего я делать не умею.

— Так-то «Blur» мне нравится.

— Не слышала.

Достаю айфон (до сих пор плачу за него кредит).

— Хотите послушать?

— Нет. Здесь уже играет музыка.

Музыка? А я думал, это шум сливаемой в унитазе воды. Меня начинает раздражать, что я не смущаю Кристину. С какой стати я должен страдать один?

— Скажите, Кристина, — спрашиваю, — а вы гитару не брали? Только честно.

— Я?

— Вы, вы. Мы же там вчетвером были — вы, Геннадий Андреевич и я. Я не брал. Геннадий Андреевич хозяин. Режиссерша, вы говорите, не брала. Остаетесь вы.

— Нет, я не брала, — отвечает Кристина очень серьезно. — Зачем она мне? Мне ее девать некуда.

— А может, вы играть умеете.

— Нет, — отвечает Кристина, — только на пианино. И то плохо.

— Значит, я так понимаю...

Приносят салат, ставят перед Кристиной и кладут сбоку спеленутые салфеткой вилку с ножом. Агу.

— Значит, я так понимаю, пролез кто-то в окно и вместе с гитарой вылез.

Кристина пожимает плечами:

— Наверное.

— Да уж, — говорю. И после паузы: — А следовательно подозревает меня.

— Это плохо, — отзывается Кристина с той стороны стола.

— Вы ему про меня сказали? — не выдерживаю.

— Извините, я не знала...

— Что?

— Что вы такой хороший.

Над столом повисает пауза, как тяжелая, мокрая простыня. Капает с простыни вода прямо ко мне в чашку с кофе. Пытаюсь определить, искренна ли Кристина со мной или нет. Понять не могу, но подвоха не чувствую.

— Может, кто еще, — спрашиваю, — был тогда в офисе?

— Лена Фёдорова — наш бухгалтер (вот у кого мои деньги). Но она заперлась изнутри. Готовила отчет.

Бухгалтер, думаю, скорее всего крадет наличность. Это проще. Это ближе. Значит... Так и знал! Режиссер! Никто больше не мог украсть! Это очевидно!

— Как фамилия режиссера?

— Я не знаю, — говорит Кристина.

— Сможете узнать?

— Фамилию? Я думаю, смогу.

Собралась, стала деловая-деловая. Мне нравится.

— А может, это бухгалтер?

— Лена не могла. Она хорошая.

Что ж у нее все хорошие?

Это в тебе ревность говорит! — сообщает мне сидящий на левом плече маленький Бернард Шоу.

— И режиссер хорошая? — спрашиваю.

— Хорошая, — отвечает.

Смотрю в Кристинину тарелку — листья, курицу съела, а сухарики аккуратно оставила.

— Худеете? — спрашиваю.

— Нет. Просто не люблю.

Какой она тип? Не могу понять. Очень странно.

Предлагаю Кристине проводить ее — она отказывается, ссылаясь на какие-то дела. Уходит в одиночестве, не оглянувшись. Перед тем как сказать «до свидания», обещает мне узнать имя нехорошего режиссера, предположительного похитителя гитары.

9

— Кристинка могла гитару украсть, — говорю я Вадику.

Мы на кухне допиваем пиво из баклажки.

Разорванная на части вобла лежит на черновиках сценария «Женщина-полицейский».

— Могла, — говорит Вадик, — А про режиссера и бухгалтера — это она отводит от себя подозрения, типа того. Только как понять? Как ее на чистую воду вывести?

— Я не знаю, — говорю и тут же добавляю неожиданно для самого себя: — надо у нее дома посмотреть.

— Она не будет держать гитару дома, — Вадик смотрит на меня и, кажется, смеется.

— Что? — спрашиваю.

— Хочешь к ней на хату?

— Нет!

— Хочешь, хочешь.

Я ставлю на стол стакан с пивом. Стынут белые кружева пены на граненом стекле из ИКЕИ.

— Ты на что намекаешь?

— А чего там намекать, — не унимается подлый молдавский строитель, — ты хочешь ее завалить!

Вспоминаю Кристину.

— Нет, я не хочу! — говорю совершенно искренне.

— Хочешь.

— Не хочу.

Выпиваем. Закусываем рыбой. Когда мужчины не согласны друг с другом, им нужно взять паузу. Поесть, выпить, подумать. Если мыслей нет, помолчат. Вот почему большинство мужчин моей родины молчит.

Вина Кристины кажется мне вполне вероятной.

— Она гитару взяла!

— И где она ее прячет? На стенку повесила?

— На стенку — нет. А вот под кроватью, может быть.

И тут меня словно накрывает, как ватным одеялом бабушки Максюты, под которым я читал ночи напролет и испортил себе зрение на фиг.

— Блин, это она, — кричу я. — Точно, она!

— Зачем ей это?

— Деньги.

Вадик отодвигает от меня пиво:

— Сложные это деньги, Радик, ну, легче паркер со стола у этого продюсера стащить. Или наличные действительно у него из кармана вытащить.

— Ты не понимаешь! — Ох, как бываю я горяч в минуту вдохновения, ох, как горяч. Буквы разлетаются брызгами. Мало мне родного алфавита в такие минуты! — Она фанатка!

— Чего?

— Фанатка Маккартни. Битломанка. Такие на что угодно пойдут!

— Ну, взяла гитару — и что?

— Спит с ней! Обнимая ногами во сне.

— Радик, — мой сосед качает головой. — Похожа она на такую двинутую?

— В смысле? — спрашиваю.

— Ну ты же ее видел.

Я задумываюсь. Кроме своих родителей я маньяков в своей жизни не встречал. Кажется, Кристина вполне себе здорова.

— А может, не она, — говорю я в итоге.

— Так ты определись.

— Я не могу определиться!

Я сценарист! Мне нужен гонорар, титры величиной с кремлевскую стену и не работать!

Вадик отрывает и дает мне соленую спинку Золотой Рыбки.

— Он же тебя в покое не оставит.

— Косоглазый?

— Ага.

— Блин. А что, в Молдавии менты такие же?

— Они везде одинаковые.

Думаю долго. Путаюсь в мыслях. Потрошу рыбий хвост. Запах воблы въедается в пальцы. Кости лежат на сценарии, который купили и не экранизировали.

— Вадик, сдай меня в ломбард.

— Что?

— Мне все надоело.

— Хватит ныть! — Вадик забирает у меня почти полный стакан. — Созвонись с ней еще раз, если решил. Поинтересуйся здоровьем. Напросись в гости.

Слушаю его и произношу задумчиво древнерусское: «Fuck them all».

10

Все меняется на следующий день. События начинают развиваться быстро и бестолково, как в дурном корейском боевике. Кристина звонит мне сама. Я узнаю ее номер, но не узнаю ее голос, вот в чем штука. Это женщина с тысячей лиц (читайте Кемпбелла), голос сегодня низкий, как у Таниты Тикарам, певучий, тянущийся, как натуральный мед, наливаемый из бочки в банку деревянной ложкой.

— Я нашла контакты режиссера. Правда, она сейчас на съемках.

Удивляюсь:

— Это она?

— Да, — говорит Кристина. — Ее зовут Лариса. Фамилия Лехкобыт.

Режиссера зовут, как предприятие легкой промышленности. Все логично.

— Лехкобыт, — повторяю я фамилию вслух. — И где она снимает?

Так я оказался в парке перед речным вокзалом.

Зелень давит на меня. Деревьев не должно быть слишком много. Городской житель — словно Красная Шапочка. Он идет, поет песенки и в глубине души боится, что из-за дерева выскочит Серый Волк и отнимет у него не только пирожки.

Я шел вглубь парка, поправляя слегка тесноватую майку с надписью «ЧИТАЙТЕ ГЛАЗАМИ», и казался себе с каждым шагом все толще и толще. К набережной пришел совсем распухший пузырь. Только без Лаптя и Соломинки. Есть надо поменьше, Радик! Шесть раз в день и маленькими порциями, а не цистернами и вагонами!

Вагончики телевизионщиков стояли на отлете, в тени деревьев, задница к заднице. Между ними ходили некрасивые девушки с независимыми лицами и рациями в руках. Рации шипели, как змеи.

Я тут же оробел. Хотя я и звезда, но об этом никто не знает. Я — звезда под прикрытием. Звезда, под ватным одеялом бабушки Максюты, звезда, упавшая с неба и застрявшая в погребке между банками с самодельной приправой. И зачем звезда выбрала самую унижаемую, самую позорную профессию в кино и на телевидении?! На тебя плюют, об тебя вытирают ноги, тебя мучают правками, твое имя забывают написать на тарелке, которую в начале съемок разбивают о треногу камеры. Всех пишут на тарелке, даже даму, стоящую у кинобуфета. А сценариста не пишут.

Сценаристов не пишут на тарелке.

Производству они кажутся мелкими.

Морды кислые, волосы — веник.

Иногда даже требуют денег.

(Плюс ко всем моим недостаткам, я еще и пишу стихи! Да меня кто-то проклял, по ходу!)

Будьте вы сами прокляты, самовлюбленные кинодеятели. Сценарист — он единственный творец, все остальные ИНТЕРПРЕТАТОРЫ! Ясно вам?!

Конечно, я не говорю этого никому. Молчи, грусть, молчи. Копить надо боль, наполнять ею свой внутренний бассейн, свой бездонный душевный резервуар, — остановись Радик! — свою черно-белую дыру... а после выплескивать эту боль на страницы, и пусть она прожигает бумагу, словно кислота, оставляя на белых листах черные пятна с горячими краями.

Я высматриваю между вагончиками режиссера и нахожу ее неподалеку. Мадам Лехкобыт похожа на мужчину с крашеными волосами и большими сиськами. Она одета в джинсовый комбинезон и смотрит в монитор, стоящий под навесом.

— Плохо, — говорит Лехкобыт и садится на раскладной стул с таким выражением на лице, словно весь мир ей что-то должен.

Расстроенный оператор с камерой на стадикаме поворачивается, и камера зависает в воздухе, как шарик между ладонями фокусника.

— Поставь ее в кадр, — сказала Лехкобыт.

В кадр входит свежазгримированная Актриса (40 тысяч — смена). Простенькое платьице и сумочка на согнутой руке. Актриса тревожно смотрит на дорогу между деревьями, изображая на лице скорбь при расставании и надежду на встречу. Канал «Россия», не иначе. Сериал «Простимся навсегда».

Смотрю на актрису и думаю, о чем она думает? Они, артисты, хитрые бестии, выполняют задачу, используя подручные средства. Вспомнила, как собака описала любимые туфли «Ланван» и — оп! слезы на подходе.

Артисты всегда хают текст и сценаристов. Этому есть несколько причин. Ну, во-первых, они тупые ублюдки, а во-вторых, они очень нервничают на съемках. Режиссеру слово сказать боязно, он рядом, может навредить. А сценариста рядом нету, вот и можно сорвать раздражение. Он же не ответит.

— Радик...

Меня окликают, я поворачиваюсь и вижу Кристину. Да что же такое! Она, кажется, опять изменилась. Глубоко посаженные глаза, бескровные губы и голые ноги. Она впервые показала мне свои ноги. Маечка и нечто вроде шелковых коротких штанишек. Шорты такие. А дальше — ноги. Красивые, надо признать. Отвлекаюсь на ноги, и Кристина снова меня окликает:

— Радик...

— Я здесь, — говорю.

— Легко нашли?

— Легко, — отвечаю.

Вокруг киношники /телевизионщики, шумные, заметные, как цыганский табор. Только люди в таборе честнее, порядочнее.

Ускользящая Кристина знакомит меня с режиссершей. Существо непонятного пола и позорной профессии трясет недовольно остатками волос, смотрит на меня, как Маяковский на Бальмонта. Представляюсь:

— Сценарист Педалькин.

— Не знаю такого.

Лучше бы ты вообще ничего не говорила, бессмысленное создание!

— Вы что-то хотели? — Лехкобыт смотрит на меня, и в глазах вопрос.

— Просто, — отвечаю я, начиная потеть от напряжения и стыда, — пришел на съемки посмотреть.

Лехкобыт, не ответив, поворачивается лицом к монитору, а ко мне плоским задом. Действительно, о чем говорить со сценаристом, который пришел ПОСМОТРЕТЬ НА ЧУЖИЕ СЪЕМКИ. Начинаящий. Вот что можно сказать о таком сценаристе. А с начинающими профессионалы не связываются. Начинаящий вцепится в тебя,

словно клещ, потащит тебя ко дну, нагружая бесконечными вопросами. Начинаящий — это зло.

К режиссерше тем временем подходит артист, похожий на усталого, замученного мальчика и спрашивает:

— Я такой или такой?

Лехкобыт предстоит оценить его образ.

— Нормально, — говорит Лехкобыт и берет со стола залапанный, мятый сценарий.

Я ликую. Вот! Шагу ступить без сценария не может, а строит из себя Фею Одинокого Острова!

Кристина спрашивает:

— И что вы будете делать?

Я выхожу из себя — мне это всегда легко дается — и отвечаю ей горячим, злым шепотом:

— А что вы прикажете? Подойти и спросить: вы гитару Маккартни не брали?

— Да, — соглашается мерцающая Кристина, — это будет странно. И какой план?

— Подождать, — говорю я.

Кристина, извинившись, «отходит на минутку», а я оглядываюсь по сторонам, испытывая зуд в душе и давление в области подмышек от стремительно уменьшающейся майки. Обвожу глазами съемочную площадку, как пьяный после бессонной ночи. Герой без цели — худшее, что может предложить сценарист. Редактор потирает сухие ручки, с которых на клавиатуру сыплется дурно пахнущий тальк, и начинает строчить километровые замечания.

И вдруг я вижу гитару. Электрогитару в чехле. Она стоит себе, прислоненная к тенту, незаметная Лехкобыт и съемочной группе, сгрудившейся вокруг монитора. Чехол черный, гитара теряется на фоне тента, но я ее вижу и трепещу from tip to toes.

Все так просто. Все предельно просто.

Медленно подхожу к тенту и стою в нескольких сантиметрах от инструмента, из-за которого жизнь моя потеряла цвет и запах.

Слышу, под тентом копошится группа. Лехкобыт отдает приказания неприятным, как у павлина, голосом.

Я чуть приседаю, нащупываю ручки у гитарного чехла, беру гитару, которая оказывается неожиданно тяжелой, и мелкими шажкамидвигаю в сторону кустов. Саспиенс, напряженное ожидание. Ожидая лично я. Поймают или нет. Добыча покачивается у меня в руке. Птицы счастья, мелкие, как колибри, зависли у меня вокруг головы и незаметно передвигаются вместе со мной в кусты, в кусты.

— Эй, ты, стоять!..

«Надежда и любовь, всё-всё погубило, а сам я бледный, обнаженный труп!»

Несмотря на окрик, продолжаю совершать шаги и слышу — голос за спиной обыкшел:

— Ты чего, не понял?! Куда гитару понес?!

Всё! И занавес в старом театре рухнул на головы губернатора и других официальных лиц.

Меня берут, вяжут, как вора. Съемочная группа, включая дикого вида светиков, обступает меня со всех сторон, а я закрываю глаза, как беглый крепостной перед расправой.

Однако расправы не случается. Подходит Лехкобыт и смотрит на меня пристально, словно впервые видит.

Я, выправляя ситуацию, пытаюсь объяснить, что я ошибся. После говорю, что хотел взять поиграть.

— Что ты его слушаешь! Ворье! — говорит оператор.

Лехкобыт смотрит на меня внимательно и без симпатии. Оператор с силой вырывает гитару из руки.

— Иди, — говорит она мне.

— Чего ты его отпускаешь, давай полицию вызовем, сдадим его, — говорит оператор, сжимающий чехол с гитарой в руках.

— Пусть идет. — Лехкобыт трет грязными руками глаза и возвращается под тент.

Я ухожу с бетонным, фундаментным блоком на плечах и думаю на ходу, что гитару, которую они в пылу называли «важным реквизитом», я так и не увидел. Она осталась в чехле.

И Кристина так и не появилась.

11

— Ты чего, дурак? — говорит мне Вадик.

Он сидит и оттирает трудовые руки ветошью, как он это называет. Я же узнаю свою старую футболку с надписью «FORK ME».

— Ты просто как ребенок.

Да. Я ребенок с большими амбициями и волосатой грудью. Смотрю на свои руки. Они похожи на двух осьминогов на пенсии. Думать стараюсь о хорошем, а приходится свыкнуться с мыслью, что никакой я не гений. (Это обидно.) Даже, блин, не блестящий ум. А чмо рыльское, недоделанное. Лохань с деревянной ручкой, на которую даже мухи садиться брезгают.

— Заканчивай, — слышу сквозь белый шум от самобичевания.

Это Вадик прочитал мои мысли. Смотрит на меня с улыбкой превосходства.

— Хватит себя жалеть.

— Я не жалею, — пытаюсь объяснить. — Я как раз наоборот...

— Да насрать мне на это!

Какой грубый человек.

— Что делать будешь?

— Ничего.

Излагаю моему другу свой изящный план. Не делать ничего. Сидеть сложа руки.

— У меня презумпция невиновности. Пусть они докажут.

— Тебя косой посадит. Не боишься?

Я возмущаюсь:

— Ты, Вадик, мой голос разума! И что ты мне говоришь? Ты меня пугаешь и настраиваешь на негативный лад. Я не хочу идти у тебя на поводу.

— А кто гитару украл?

— Не знаю. И мне плевать.

Сидим в молчании, и я не выдерживаю первым:

— Я на Кристину грешу.

— Подозреваешь ее?

— У меня очень хорошо развита интуиция.

— Это аргумент разве?

Для меня это офигенский аргумент. Я неприятности чувствую за версту. Исключение с этой гребаной гитарой. Четыре струны, а столько нервов! Сколько, интересно, гитар у Маккартни? Штук семьдесят. Заметил бы он пропажу одной? Вряд ли.

— Чего ж тебе твоя интуиция вовремя не подсказала...

— Хватит-хватит, — останавливаю главного молдаванина Москвы. — Мне надо ее серьезно проверить!

— В-о-от!

— Это вполне может быть она. Прикрывается только.

Чем прикрывается Кристина, я объяснить не смог. Ну, это понятно, что слова в моей голове прыгают, как шарики «Спортлото», и выскакивают наружу с энтузиазмом, предполагающим крупный выигрыш. Но последний номер — мимо, и ты, скомкав, выбрасываешь билет, даже не попав им в помойное ведро.

Вечер посвящаю адаптации польского сериала, переписывая МАЛГОЖАТУ на

МАРИЮ и оставляя в большинстве случаев диалоги нетронутыми. Диалоги хорошие. Простые, как царская копейка 1854 года с пузатой короной наверху:

МАРИЯ (Бывшая Малгожата). Здравствуй, Костя.

КОСТЯ (Бывший Кшиштоф). Здравствуй, Мария. Ты не видела Женю (Бывшего Ежи)?

Утром следующего дня просыпаюсь с рыльским воспоминанием.

«Не небрежничай», — говорила мне учительница русского и литературы. А я небрежничал. Продолжаю небрежничать и сейчас. «Не угрюмничай», — говорила она же, сдвигая очки на нос. А я угрюмничал. Да и сейчас угрюмничаю регулярно. Каюсь в этом, Софья Борисовна.

Иду по улице Мясницкой на очередное свидание с Кристиной.

Как Винни-the-Пух напеваю под нос свежесочиненную песенку «Динь-динь, сисечки», точно описывающую проходящих мимо девушек без бюстгалтеров, черкаши грязи на полных икрах.

Останавливаюсь возле метро и жду без конца. Но Кристина не приходит, и телефон ее не отвечает.

Пишу эсэмэс и получаю ответ.

«Сегодня не смогу». Ни здрасте, ни до свидания.

Отсылаю еще одну эсэмэс. Прошу прислать мне номер телефона бухгалтера. Получаю в ответ номер, имя и отчество: Лена Фёдорова.

Пока Кристина недоступна, решаю проверить бухгалтера. Прощупать. Так же говорят в детективных сериалах. Набираю номер. Мне отвечает бодрый голос:

— Я слушаю.

— Доброе утро, Елена. Я сценарист Радик Педалькин.

— Кто?

— Сценарист. Работаю на вашу компанию.

— Что вы хотели?

— Мне нужно с вами поговорить.

В трубке шелест крыльев, эхо камня, упавшего в колодезь.

— Приезжайте.

И я поехал.

А вы читайте следующую главу.

12

В офисе Гниды Геннадия (ГГ) натыкаюсь на Кристину.

— Здравствуйте, — говорит она до обидного нейтрально, словно знает меня, так скажем, понаслышке.

Я снова удивлен. (Она не перестает меня удивлять.) Я-то думал, она дома. Например, неважно себя чувствует и говорит с подругой, прихлебывая горячий чай из кружки с фотографией артиста Певцова. А она на работе. И смотрит на меня, словно и не узнает вовсе. Что за ерунда.

— А где бухгалтерия?

Кристина показывает ручкой на дверь возле туалета.

Значит, Елена Фёдорова вполне могла выйти во время моего «Великого сидения в тайном помещении возле сортира» и забрать гитару из кабинета продюсера. Утащить к себе в цифровую пещеру и вынести позже, когда Кристина покинет свое место. Ну, при условии, что Кристина сама гитару не унесла под подолом.

Бабы и гитары. Я схожу с ума.

Стучу в дверь бухгалтерии. Здравствуй, дятел, тук-тук-тук. Что долбишь? Еловый сук.

— Войдите.

Вхожу. Стол, сейф. Женщина с мощными икрами стоит на столе, обратившись

лицом к окну с решеткой. Нижняя часть Елены Фёдоровой впечатляет. Не слишком сильно волнует, но ты невольно отдаешь ей должное.

— Помогите.

Подаюсь вперед с готовностью. Приказ женщины. Спасибо, мама, за матрицу в моей голове: «Что? Новый хозяин? Надо?»

— Дайте, пожалуйста, цветок.

На столе, рядом с мощной ногой стоит цветок в горшке на плетеной из шерсти подвеске. Извращенцы плетут такие подвески темными зимними вечерами, давая длинные передышки жертвам, которых они истязают в подвалах.

Протягиваю цветок и понимаю: нет, все-таки сильно меня волнует стан мадам Фёдоровой.

— Подайте руку, — говорит мадам Фёдорова сверху.

И я подаю, чувствую пухлые пальцы и дутое обручальное кольцо. Три уверенных шага, и бухгалтер сходит со стола.

— Педалькин — это псевдоним?

— Да.

— По документам вы...

— Я знаю, знаю... — не даю ей закончить.

— По поводу выплаты я пока не получала распоряжений от Геннадия Андреевича.

— Я здесь не из-за денег.

Лицо бухгалтера светлеет.

— Вы слышали про гитару? — продолжаю.

— Да, конечно.

Бухгалтер Фёдорова садится и принимается перебирать вещи за рабочим столом, перекладывая их с места на место. Она не смотрит мне в глаза.

— Это ужасно.

Ужасно — это поднятые воротники у рубашек-поло. А кража любимого предмета у сволочи обыкновенной (*Communis bastard*), в этом есть даже что-то позитивное.

— Вы же в тот момент были в кабинете? — спрашиваю я.

Елена Фёдорова поднимает на меня коровьи глаза.

— Да, я была. Готовила отчет.

Интересно. Она уже оправдывается.

— Но я ничего не слышала. Ко мне Кристина потом забежала как заполошная. Кричит такая, украли, украли.

— Так, — я словно веду допрос. И мне это нравится!

— А потом Геннадий Андреевич пришел. Отослал режиссера, которая здесь ждала.

— Лехкобыт?

— Да, ее. Ну и потом ему плохо стало. Полицию потом вызвали.

— Кому это было выгодно, как вы думаете? — Я уже окончательно вошел во вкус.

— Мне сложно сказать. Это же вещь дорогая. Она, наверное, десятки тысяч долларов стоит.

— Зачем же он держал ее здесь?

— Мне сложно сказать. — Фёдорова пожимает плечами. Руки ее успокоились, нашли себе место. Лежат на столе горкой.

Раздается стук в дверь. Руки Фёдоровой срываются с места и принимаются перекладывать предметы на столе.

— Войдите.

В бухгалтерию заглядывает Кристина, смотрит на меня не мигая. На носу очки в тонкой оправе. Разве до этого она носила очки? Кажется, носила. Или нет. Что же за наваждение такое!

— Можно вас?

На вы? Да что происходит? Снова ее не узнаю. Внутренне напрягаюсь. Еще сильнее обычного моего внутреннего напряжения. Забыл сказать или говорил, у меня

зверски развита интуиция. Наверное, как у какого-нибудь охотника на оленей. Я всегда заранее чувствую, когда мне должны перевести деньги. Сейчас я этого не чувствую, поэтому перевода быть не должно. А так вообще-то чувствую.

Выхожу вслед за Кристиной и слышу ее тревожный шепот:

— Пожалуйста, уходите.

— Что? — отвечаю шепотом.

— Пожалуйста, не приходите сюда. Он меня уволит.

— Кто? Геннадий Андреевич? — имя сказал, словно хлястик от шинели съел.

— Да. Он очень ругается.

— Хорошо, — сразу сдаюсь, — извините.

Перед самым выходом Кристина кладет мне руку на плечо. Я останавливаюсь, чувствуя тепло ее ладони сквозь майку с надписью «ИВАН ГРОЗНЫЙ — ВОНЮЧКА!».

— Дайте, пожалуйста, слово, что вы сюда больше не придете.

Я смотрю девушке в глаза и таю.

— Я даю вам слово!

Выхожу из проклятого офиса и жалею Кристину, и проклиная ГГ (Гниду Геннадия). Молодец! Выбрал себе жертву.

Звонит мобильный. Незнакомый номер и знакомый голос:

— Это Лена, бухгалтер.

— Да.

— Я вам хотела сказать... — шелест тростника в трубке. — Мне кажется, это она гитару стащила... Кристина.

Вот тебе на.

13

Почему ты, Радик Педалькин, хочешь быть другим человеком? Что тебя в жизни твоей не устраивает, трам-тарарам?! Думаешь, лучше быть каким-нибудь Арамом Завеновичем Поцелуяном и чинить на постоянке горные велосипеды? Задаешь себе вопрос и сам же отвечаешь без промедления: лучше, лучше быть Арамом Завеновичем Поцелуяном и чинить велосипеды на постоянке. Лучше быть даже муравьедом, а не занимать место сценариста, ничего не значащего. Который даже на гитаре играть не умеет, если вы понимаете, о чем я говорю.

Ожидаю в комнате прихода Хитлы. Предвкушаю непростой разговор. Заплатить за комнату нечем. Вряд ли возьмет она в качестве оплаты немного ношенные кроссовки «Premiata» или черные очки «7 for all mankind».

Хитла входит без стука, открыв дверь ударом плоского зада. В руках у нее коробка.

— Помогите мне, Ваня! — она всегда называет меня настоящим именем.

Я тороплюсь подставить руки. Коробка тяжеленная.

— Сахарный песок, — объясняет Хитла.

Вопрос, станет ли от него слаще моя жизнь?

— А чего ты такой кислый? — спрашивает Хитла, указывая кривым перстом место, куда ставить коробку.

Ни такта, ни воспитания. Вы вообще заметили, что хорошее настроение чаще всего посещает людей подлых, недалеких, бездушных? Они словно смеются над нами. Их радуют наши неуклюжие шаги, они скалят зубы, когда мы идем к своей цели, спотыкаясь о собственные принципы.

— Я хотел сказать... — начинаю медленно, разглядывая банку тушенки, стоящую на полке. — У меня сейчас непростой период...

Нарисованный бык на тушенке усмехается.

— Ты про деньги, что ли? — спрашивает Хитла, стоя ко мне спиной.

— Да.

Режь меня, Хитла! Добивай!

— Не волнуйся, Ваня. Отдашь, когда будут.

И все. Хитла уходит. А я остаюсь с тяжелым камнем, с Тунгусским метеоритом на душе, проклятый диалогомарака, не ценящий ни доброты чужой, ни великодушия.

Бык, нарисованный на банке, ревет, вывалив мокрый язык.

До вечера переживаю в комнате, объедаясь ванильным зефиром. После — два пальца в рот, и я как огурчик. Вадик на вызове «по проводке», некому развести печали мои «рукама», как говорили древние русичи.

В девять собираюсь посмотреть фильму, но не судьба. Телефонный звонок от человека, который в обычной жизни не позвонил бы мне никогда. Но, похоже, кража гитары Маккартни открыла портал в непривычное, шлюзы в необычное. Из пустого прозрачного бокса, притороченного в кабинете ГГ, стали вываливаться драматические события, и прямо мне на голову, как шары из кегельбана.

О таких звонках я написал в соцсети:

Сижу такой, пишу «вторую».
Звонит какое-то оно.
— Я фильмы тут продю-сирую
Хотите денег за кино?

К посту этому я, конечно, приписал:

(Все персонажи вымышлены, любые совпадения случайны.)

Потому что продюсеры — они мстительные твари есть. Внесут в черный список, и потом пойдет о тебе дурная слава по киностудиям. Будешь писать только дневные процедуры для канала «Россия» за сущие копейки:

- «— Встать, суд идет.
- Вызывается свидетель Артамонов.
- Да, ваша честь.
- Расскажите, как произошло, что вы избили веником гражданку Звягинцеву?
- Я был в состоянии аффекта.
- Что послужило причиной этому состоянию?
- Причиной этому состоянию послужило то, что я злоупотребил.
- Насколько сильно?
- Злоупотребил безудержно, ваша честь...»

Мне позвонила режиссерша Лехкобыт. Я очень удивился.

— Здравствуйте, — говорю.

Вспомнил попытку кражи гитары на съемках, представил себя уже за решеткой, в темнице сырой, вскормленный в неволе и так далее.

— Прочитала вашу фильмографию, — говорит Лехкобыт.

— Ага.

— Хочу предложить вам работу.

Я, конечно, люблю неожиданности, и вся моя жизнь — это один большой гребаный сюрприз, но режиссер в юбке застает меня врасплох. Не сказав ни слова про мою выходку на съемках, она назначает мне деловую встречу.

Что меня там ждет? Интрига, интрига.

14

Ненавижу сюсюкающих двухметровых женщин, ненавижу приbedняться и вареную капусту. И ненавижу коллег-сценаристов. Это гномы без Белоснежки, черные точки на носу Всемирного Свободного Творчества, это конкуренты.

Я — человек, мне нужно есть. Мне нужно, в конце концов, заедать невзгоды. Чем жизнь горше, тем слаще, жирнее трапеза. Я иду зарабатывать деньги. В самое сердце ада, в сценарную комнату, куда меня сосватала режиссер женского рода Лехкобыт.

Волнение нарастает. По дороге покупаю литровую бадейку кофе навынос. Грею

ладони, пью на ходу черную, как воды Стикса, жидкость. На мне майка с говорящей (орушей) надписью: «WHAT ABOUT NO?».

В сценарной комнате группа татуированной молодежи из кожи вон лезла, пытаюсь доказать, что их не зря взяли работать на ставку. После вполне себе неискренних приветствий они как бы перестали меня замечать, лоя, однако, каждое сказанное мной слово и переглядываясь, как мамы переглядываются между собой, когда кто-то из детей в песочнице пукает.

От молодых сценаристов валит пар; они сжимали в руках многоцветные пластиковые стаканы с кофе и креативили как заводные. Крапивное семя!

Сочиняли историю самодеятельной школьной группы начала девяностых. Я много знал про это. Рыльская школа номер четыре и группа «Пьянству boys»! Репетиции в пьяном виде и одна поклонница на пятерых. Но я молчал. До момента, когда длинношей сказал знающим тоном:

— Чтобы играть на ударной установке, нужно где-то учиться!

— Где-то учиться?! — не выдержал я. — Где-то учиться?! Да для того, чтобы играть на барабанах, не нужно ничего, кроме моджо! Две палки, и чтобы тебя пёрло не по-детски!..

Хором стали возражать молодые-ранние. Я держался:

— Ты сам-то на чем-то хоть играл в своей жизни? — спросил я длинную шею.

— Я закончил музыкальную школу, — ответил он.

— Ты, поди, и ноты знаешь?

— Знаю.

С ним бесполезно было говорить. В школьных ансамблях таких, как он, четвертовали логарифмической линейкой.

Сценаристы, как попугаи, повторяли «мотивировка-мотивировка-мотивировка», я же пытался вернуть их к реальности. Чтобы играть в школьном ансамбле, не нужно никакой мотивировки, это просто круто! Но реальностью для них были американские учебники драмы с их бесконечными поворотными пунктами, завязками и выбором героя. От этих книг за версту несло мертвечиной, склепом. Берешь в руки, а внутри перекатываются кости с тихим стуком.

Вошла Лехкобыт, присела в стороне, кивнула всем и стала слушать.

Я сбился с мысли, поплыл, растерял аргументы. Молодые взяли верх. Их понесло в океан.

Лехкобыт старалась на смотреть на меня. Я приуныл и почувствовал зверский голод.

Юннаты обсуждали, какому из характеров какой достанется музыкальный инструмент.

Лехкобыт вмешалась:

— Нет, на бас-гитаре не легче играть, чем на гитаре...

Я напрягся. Откуда она знает? Тренируется каждый день на краденой гитаре сэра Пола?

Я бросил на нее свой самый пронзительный, проникающий в душу взгляд, но она, блин, его не заметила.

Идеи мелкие, как трехдневная щетина, засыпали ровным слоем сценарный стол, а ребятам казалось, что они уже всю историю сочинили, но Лехкобыт неожиданно сказала:

— Хватит!

Сценаристы замолчали, повернули головы одновременно, как фламинго на канале ВВС.

— Все это неправда, — сказала Лехкобыт.

Даже я удивился. Решила, значит, показать, кто здесь главный.

— Мне нравится подход Радика. Давайте его придерживать.

Сценаристы, как фламинго, одновременно повернули головы ко мне. Ликовать

сил у меня уже не было, но я с глубоким удовлетворением принял такой поворот (сюжета).

А во время перекура Лехкобыт подошла ко мне и сказала:

— Я ухожу сейчас, у меня пробы...

— Да, — киваю. (Российское кино, сценария — нет, а пробы уже проводят.)

— Я хочу, чтобы мы вместе посидели над синопсисом. Можно у меня дома.

Вечером сегодня.

Она зовет меня домой. Что все это значит?

15

— Я не хочу с ней спать! — говорю я Вадику.

— А ты себя не переоцениваешь?

— Недоцениваю. Это еще хуже.

— Она тебя работать зовет.

— После того, что я на съемках устроил?

Мы щелкаем тыквенные семечки, похожие на медиаторы.

— Это ты нормально там себя показал! — говорит Вадик.

— Не смешно.

— Кому как.

Классики находили смешное в грустном. Я мастер находить грустное в смешном.

В книге «Трое в лодке, не считая собаки», самой смешной книге на земле, я нашел момент, где главные герои видят в Темзе утопленницу. Никто этого момента не помнит. А я забыть не могу.

— Косой приходил? — спрашивает Вадик.

— Нет.

— Звонил?

— Не-а.

— Тогда в чем проблема? Замяли дело.

— Гитару-то не нашли!

— Какая тебе разница? Не трогают тебя, и ладно.

Интересно так! Обвинили во всех грехах, дали испить чашу позора, и забудь теперь как страшный сон.

Впрочем, не нахожу в себе сил для праведного возмущения, концентрируюсь на семечках. После прощу у Вадика займы. Лучший друг мотает головой.

— Денег я тебе не дам. У самого голяк. Но есть работа.

— Для меня?

— Нет, блин, для Железного Человека!

CUT

Несколько часов спустя. Я стою на стремянке в квартире на улице Гашека и загаженным скребком обдираю старые обои. Мысли мои разнообразны: как я так опустил? зачем я не надел старую майку? почему в сказке «Царевна-лягушка» батюшка-царь предлагает что-то там вышить невесте главного героя, хотя знает, что она лягушка! Она не может ничего вышить! И приготовить ничего не может! Она лягушка, старый ты дебил!

Обои отслаиваются легко, с приятным звуком, куски их падают, как осенние листья в парке «Сокольники».

Вадик, клеящий обои в соседней комнате, заглядывает ко мне, я удваиваю усилия, делаю вид, что мне все нравится. Как говорил отец: «После армии мне все нравится».

CUT

И вот я уже подхожу к дому Лехкобыт. На мне майка с наскоро замытым строительным пятном, полученным на Гашека, в кармане немного потом заработанных

денег, а в душе волнение, тяжелыми волнами, как на японской гравюре в спальне моих родителей.

Дверь открывают два любопытных мальчика. Один чуть выше другого. Они смотрят на меня, не мигая, и один спрашивает:

— Ты кто?

— Я... наверное, к вашей маме?

— А что ты принес? — спрашивает второй мальчик.

Вопрос интересный. Я принес драгоценного себя, свои комплексы, проблемы, неудовлетворенные страсти, страхи, черную меланхолию и долги.

Позади мальчиков появляется Лехкобыт. Власы распущены. Она в китайском халате цвета крови, с драконом.

— Проходи, — говорит она мне и, обращаясь к сыновьям: — ребята, идите в свою комнату.

— Нам там делать нечего, — говорит один из мальчиков, тот, что пониже ростом.

— С тобой Сеня поиграет.

— Он сам играть не умеет.

Недовольные дети удалились.

— Пойдем, — сказала Лехкобыт.

Большая пустая кухня. Ноутбук с горящим яблоком. Режиссер женского пола (да, я сексист!) напротив меня, голая нога его/ее в разрезе халата.

— Понимаешь, я не хочу просто телевизионный фильм...

Режиссеры всегда так говорят.

— И формальный подход меня не устраивает...

Это скрытое оскорбление сценариста. Означает, что обычный его подход отличается формализмом. Мы пишем спустя рукава, уверена она. А знаете, что это на самом деле означает? **МЫ НЕ В СИЛАХ ЗАЛЕЗТЬ ЕЙ В ГОЛОВУ И СДЕЛАТЬ, КАК ОНА ХОЧЕТ!** Вот и все!

О, скудные режиссерские мысли! Где-то далеко на подольской свалке, в самом вонючем, скользком от гнили углу хранитесь вы. И занимаете там совсем мало места. Знаете, почему? Потому что вас в режиссерской голове совсем немного!

— Я тоже играла в группе.

— На бас-гитаре? — спрашиваю.

— Нет. На ударных, — говорит Лехкобыт.

Врать — говорить неправду (словарь С.Ожегова).

Лехкобыт меняет ногу. Теперь я вижу другое голое колено.

— Думаете, я ее украла?

— Чего? — не понимаю я. Хотя всё я прекрасно понимаю.

— Я гитару не трогала.

«Мне начинает казаться, что я сильно пахну потом».

Всё. Больше Лехкобыт этой темы не поднимает. Возвращаемся к сценарию. На творческие вопросы отвечаю с вдохновением, но автоматически. Да, у настоящих талантов так бывает. Украдкой разглядываю Лехкобыт. Волос немного, это верно. (Как я циничен!) Глубокие носогубные складки. Уголки рта хронически опущены. Если вы по-другому представляли ее внешность, это ваши проблемы. Она — мать одиночка. Поднимала двух детей без мужа. Ночные смены, приходишь домой с сорванным голосом и отмороженным кончиком носа, а тебя встречает заспанная подруга-лесбиянка, которая сидела с твоими детьми «в последний раз, по-дружке».

Думаю так, если эта женщина просит, почему бы не сделать ей приятное? Например, из жалости. Представляю такой разговор:

— Зачем ты мне позвонила?

— Я люблю плохих мальчиков.... — А потом она говорит: — Сделай мне приятно.

И я такой:

— Почему бы нет.

И я делаю. Сценарист, в принципе, должен раствориться в режиссере. Тогда картина получается... Тогда картина получается и точка!

Нет, она перед самой кульминацией (драматургический термин) останавливается. Ее охватывают сомнения:

— Режиссер должен е...ть сценариста, а не наоборот!

Но тут я проявляю твердость. А я, кстати, могу и доведу дело до конца. Лехкобыт теряет сознание от счастья. И очнувшись, позволяет мне писать ВСЁ, ЧТО Я ХОЧУ!!! Без правок, придинок и переделок! Аллилуйя! Да будет так!

Дверь открывается, на кухню входит бритый, накачанный молодой красавец с татуировкой на все предплечье: половина пьющего коня из которого вытекает вода.

— Познакомься, — говорит Лехкобыт красавцу, — это Радик. Радик, это Матвей, мой муж.

Да. Я идиот, не понимающий ничего в жизни и совсем не знающий людей. Ce tout, mes amis!

16

Утром просыпаюсь от шума. Словно в комнату мою пробралась гигантская крыса из рассказа Стивена К. «Ночная смена». Крыса ест гречневую крупу-ядрицу (второй сорт), стоя ко мне волосатой спиной. Издаю неуверенный крик, фокусирую зрение. Крысой оказывается хозяйка моя Хитла — мохнатая кофта, которая пришла забрать материальную помощь старушкам Центрального округа.

— Лежи-лежи, — говорит она мне с материнской интонацией.

— Боже! — я закатываю глаза. Излишняя театральность с утра заменяет зарядку.

Ковыляю на кухню, качаясь от стены к стене, словно корабль «Чёрная жемчужина», попавший в Сходненский канал. Тяжело сажусь на табурет.

Созерцаю Хитлу, которая помыла две длинные груши и унесла их с собой.

Вадик входит на кухню чуть погодя.

— Привет, — говорит он мне.

Я киваю. Сидеть и молчать — double pleasure.

Вадик заваривает термоядерный чифир, который он по старой молдавской традиции называет чаем.

— Яичню тебе сделать?

Отрицательно мотаю головой, записывая слово «яичня» золотыми иглами на уголках своих глаз. Презрение к этому миру сменяется неясным чувством. Как будто ногу отсидел. Но только не ногу, а что-то такое глубоко в душе.

Я знаю, что это такое. Издалека, словно из тумана, описанного Стивеном К. в очень страшной книжке, проявляется ЖЕЛАНИЕ ВЫПИТЬ. Темный, огромный силуэт идет по встречке, переступая сигнальные машины, ломая одним движением автомобильный мост, наматывая на жуткий, омертвелый палец провода электропередачи.

ОНО раздавит меня! Сомнет без жалости, уничтожит.

— Нет! — ору я, не раскрывая рта. — Не надо! Нет!..

Но, оказавшись рядом со мной, чудище ужасное уже не пугает. Милое создание, взгляд теплый, ласковый. ЖЕЛАНИЕ ВЫПИТЬ оказывается тем, что нужно. Смушает немного время его появления. Утро раннее. В остальном почему бы нет, думаю я.

— Давай нажремся, — говорю я Вадику.

Мой друг давится завтраком, поворачивается ко мне и смотрит с осуждением.

— А не рано?

— Рано, — отвечаю, — но сколько бодрящей оригинальности в этой идее.

— Много, — соглашается Вадик, — только чего, на двоих что ли?

Вот так всегда. От счастья — к несчастью. Драматическая перипетия, которая и в жизни имеет место быть. Сидеть и пить с Вадиком интересно, но однообразно и

бесцельно. Что в итоге? Пьяные сообщающиеся сосуды? Я жалуясь, он сообщает народные мудрости.

Я серьезно расстроен. Надо поднимать задницу, идти обзванивать знакомых сценаристов (работой вряд ли поделятся) и продюсеров (будут сквозь губу цедить, что нет у них сейчас ничего для меня). Работу сейчас получают только «свежие-приезжие», как я их называю. Их опускают в цене, а они мурлычут от удовольствия. Лишь бы в шоу-бизнес. Дикие люди с одним ноутбуком на троих.

Дежурное отчаяние охватывает меня.

На кухню входит большим животом вперед артист Машковский. Написать его имя следует большими буквами, как в сценарии при появлении нового персонажа. Вот так, **АРТИСТ МАШКОВСКИЙ**.

— Видел «Узы брака»? — спрашивает Машковский с ходу.

— Не-а, — отвечаю.

— Как не видел? Ты же его писал.

Вспоминаю. Да, чего не сделаешь ради пропитания. Первородство люди отдавали ради чечевичной похлебки. Пауза. Машковский смотрит на меня, ждет, что я скажу еще что-то. Лысина в мелких веснушках, щеки — как подушки для иголок.

— И чего? — спрашиваю.

— Я там полицейского играю. Помнишь эту роль?

— Нет.

— Всех сделал! Всех! — Машковский говорит искренне, он и правда так думает. — Из-за этого даже сериал сократили. Мои сцены порезали, чтобы на себя не тянул.

Машковский, пыхтя, садится за стол. Замечаю, как Вадик отодвигает от него тарелку с яичницей.

— Какие планы? — спрашивает Машковский и, не дождавись ответа, снова говорит о себе: — Я уже тысячник почти!

Он ждет, что его спросят, что же такое тысячник, но мы с Вадиком предпочитаем помалкивать, и Машковский отвечает сам:

— Тысяча баксов за съемочный день. Просто лицо медийное. Все узнают.

Волшебным образом у медийного лица в руке появляется вилка, и тянется к «яичне» Вадика. Вадик делит свой завтрак с Машковским, и тот съедает его за секунду. Вокруг рта остаются крошки, и это делает образ Машковского цельным. Я-то думал, чего в нем не хватает?

— Какие планы? — повторяет Машковский.

Сколько его знаю, он никогда не работает. Ходит с пластиковым пакетом по «Мосфильму» и стучит в каждые двери. Агент у него есть, но агенту Машковский не доверяет. Раздает свои фотографии по киногоруппам сам. Мусорные ящики «Мосфильма» завалены фотографиями улыбающегося Машковского.

Я бы тоже Машковского в свой фильм не взял. Во-первых, на площадке он все съест...

— Мы выпить собирились, — зачем-то говорит Вадик.

Наверное, он хочет отвлечь Машковского от своей порции. Другого объяснения я не нахожу.

— У меня денег нет, — говорит Машковский.

Я абсолютно убежден, что отсутствие денег одного человека облагораживает и возвышает, а другого выставляет в самом глупом свете. Если мне не иметь денег позволительно, Машковскому говорить о своем бедственном положении не пристало.

Я — страдающий художник, а он, с налипшей яичницей возле рта, он просто босяк.

Расходы берет на себя Вадик. А комнату приходится предоставить мне. У Машковского в комнате воняет так, словно там в тазу сожгли грязные волосы вместе с книгой «ОСНОВНЫЕ ОШИБКИ ПРИ ПОСТУПЛЕНИИ В ТЕАТРАЛЬНЫЙ ВУЗ».

Расселись порядком, чинно. Между нами бутылка беленькой, соленые огурцы, нарезка буженины, точнее сказать, буженинки. Также присовокупим хлеб белый,

мягкий, как щека любимой, оливки черные, оливки зеленые, от масла блестящие. Так же учтите заправку в двух бутылках литровых. Напиток заморский, темный, как кровь единорога, и сладкий, как смерть олигарха.

И тут, конечно, Машковский, даже первую не опрокинув, стал хватать закуску руками. Грязными руками. Хватать и засовывать в свой бездонный рот. Мы с Вадиком возмутились. Вадик сразу ему сказал:

— Тормозни.

Но тормозить Машковский был не приучен. И поэтому мы решительно отодвинули от него закуску и принудили закусывать только после выпивки и то только тем, что мы ему дадим сами.

Машковский возмутился и говорил:

— Там же много!

— Много, — отвечал я твердо, — но нас трое, между прочим.

Как много в моей буйной голове оригинальных мыслей и образов и как банален зачастую мой язык. Как в рекламе языковых курсов: «Всего пятьсот слов будет достаточно, чтобы заговорить на языке». Какие там пятьсот! Мне зачастую хватает и тринадцати.

Выпиваем. Машковский, слушая нас, вертит головой, колыхаются щеки. Разобравшись в истории с гитарой Маккартни, он говорит:

— А что, если ты эту гитару украл?

— Я? — спрашиваю.

— Ну, чтобы продюсеру тому отомстить.

— Да не крал он ничего, — говорит Вадик добродушно.

— Это он тебе соврал, — говорит Машковский, — и мне. А сам украл и прячет.

— И где я ее прячу?

У вас же есть фирменный тяжелый взгляд. Вот у меня сейчас такой.

Машковский хитро улыбается. Крошки сыплются с уголков рта.

— Да хоть под кроватью.

Машковский резко нагибается, заглядывает под кровать. Нет, конечно, там никакой гитары. Только мешок с картошкой.

Рассказчик, он же преступник. После Агаты Кристи это уже не ново.

Допиваем бутылку. Машковский громко говорит, что он грузин. Я с этим не соглашаюсь. Потому что, по-моему, еврей не может быть еще и грузином. Машковский театрально обижается, убегает и возвращается с литровой бутылкой чачи. Поддерживая меня, Вадик заявляет, что это не настоящая чача. Машковский говорит длинный грузинский тост, и мы выпиваем. Как следует распробовать чачу с первого раза не удастся. И мы выпиваем еще раз. Потом Машковский очень хорошо показывает тюленя. Мы пьем за искусство и за упокой души Табакова (два разных тоста). После я выхожу в коридор и, качаясь, набираю номер.

— Алло.

— Алло, — слышу на другом конце женский голос.

— Кристина, это я, Радик.

— Я вас узнала.

— Что вы делаете?

— Ничего.

— Давайте встретимся.

— Хорошо. Приезжайте.

Путь от «Чистых прудов» до «Полежаевской» я проделал без потерь. Немножко спел в переходе, разве что. Я не виноват, что там такое славное эхо. Ну, еще женщине на эскалаторе сказал: «Поменяйте мне, пожалуйста, тариф».

Выхожу на свежий воздух. Угрюмое место эта станция метро «Полежаевская». Ощущение, что здесь собирались строить цементный завод, да передумали.

Первые несколько метров меня занимал вопрос: «Почему асфальт такой твердый?» Осторожно шагая, я искал ответ, но тот был недостижим, как мировая революция.

Prince поет «Musicallogy», я вытаскиваю из кармана мобильный, едва не роняя, говорю в него:

— Да.

— Это Кристина.

— Да, — говорю еще раз.

— Вы где?

— Я на вашей... «Полежаевской».

— У меня изменились обстоятельства.

Слово «обстоятельства» слишком сложное для меня в данном состоянии.

— Да, — говорю я еще раз.

— Давайте увидимся в другой раз.

До меня доходит с большим трудом:

— Мне не приезжать?

— Не надо.

— Ладно, — отвечаю.

— Только не обижайтесь.

— Ладно.

Она отключается, я стою как дурак классический под каким-то темным деревом и смотрю на светящуюся вывеску «ХЛЕБ». Меня начинает раздражать буква «Б». Она глупая и не к месту.

Только что жизнь пела мне песни советских композиторов и показывала цветные диафильмы. И вот я уже скомкан, отброшен. В прошлом Повелитель и Малютка Деспот, низвержен до уровня хвоста полевого, обыкновенного.

Говорю себе: «Смирись, забудь, уйди!», а слышу только: «Сиськи, сиськи, сиськи!» Хватит! Баста! Судьба моя, не надо нотаций! Я не признаю поражений! Отправляюсь в гости к Кристине несмотря ни на что, и будь что будет.

Она просто испугалась, в этом я убежден.

— Красная Шапочка.

— Я вас внимательно слушаю.

— Я — Серый Волк.

— Это очень печально.

— Отчего, Красная Шапочка?

— Я вас боюсь.

— То есть о пирожках не может быть и речи?

Этим отказом она ставит передо мной вполне преодолимое препятствие. Специально. Чтобы я показал себя. Если так, то я покажу!

Иду к дому Кристины. Тороплюсь так, что за мной, кажется, остается огненный след. К счастью, дверь подъезда не закрыта. Соколом взлетаю по лестнице. Указательный палец на ходу вытягивается сам собой, чтобы сразу нажать на кнопку звонка.

З-з-з-з-з-з-з-з.

— Кто это, Крис? — слышится мужской голос в квартире.

И дверь мне открывает продюсер ГГ (Гнида Геннадий), бывший владелец гитары Маккартни.

18

ИНТ. КВАРТИРА КРИСТИНЫ. КУХНЯ. НОЧЬ (РАДИК ПЕДАЛЬКИН, ГНИДА ГЕННАДИЙ, КРИСТИНА)

Радик и Геннадий сидят за кухонным столом друг напротив друга. Напряженное молчание.

Кристина тут же, стоя к Радiku и Геннадию спиной, разливает чай. Разливает неуклюже.

КРУПНО: чай проливается на стол мимо чашки.

Кристина обжигается, быстро засовывает палец в рот и оборачивается к сидящим за столом Радик и Геннадию.

Дуэль взглядов между Радиком и Геннадием.

ГЕННАДИЙ. Что делаете сейчас?

РАДИК. Пишу...

Будь проклята сценарная запись лесенкой! Я уже, кажется, мочусь лесенкой по утрам. Свобода самовыражения без учета постылой формы!

Сидим друг напротив друга. Гнида Геннадий держит лицо. Глазки сощурил. Улыбается, чувствует свое превосходство. Он первый пришел. С этим не поспоришь.

— Пишу, — отвечаю я ему прямо на поставленный вопрос.

— Что конкретно?

О, подлая ехидна мужского пола! Сериал «СДОХНИ, ЕНОТ!» я пишу, для канала «Дискавери».

Кристина ставит перед нами по чашке чая. Мысленно плюю в чашку Геннадия. Отвечаю:

— Один сценарий... Не могу пока говорить.

Геннадий понимающе кивает.

— Вы знакомы с Кристиной?

— Да, — отвечаю, — заехал вот в гости.

Геннадий снова кивает, и голова его падает с плеч, глазом натыкаясь на чайную ложку. Играй, моя фантазия.

— А вы? — спрашиваю.

— Я тоже заехал, — отвечает Геннадий. — Надо было обсудить...

Конец фразы повисает, как нос у Сквидварда.

— Я не трогал вашу гитару, — говорю неожиданно для себя.

— Я вас не обвиняю.

Не верю ни одному слову.

— Ко мне приходил следователь.

— Это его инициатива.

Быстро же усатый загнал меня в угол.

— Значит, он не от вас приходил?

— Нет, он приходил не от меня.

Не знаю, что еще говорить. Где они берут столько уверенности в себе? Им где-то выдают. Потому что такого количества Господь при рождении не отпускает.

Или это Он только меня обделил?

— Может быть, с улицы зашел кто-нибудь и украл?

Геннадий смотрит на меня и говорит:

— На входе сидела Кристина. Или вы думаете, это она гитару взяла?

Кристина тоже садится за стол, смотрит на меня, ждет ответа.

И тут что-то шелкает в моей голове. (Не стоило им загонять меня в угол!)

Будто бы слова, которые я слышал последнее время, падали и падали на поддон, подобно монетам. Слова ложились слоями, поддон тяжелел, и вот они с грохотом, шумом и яростью высыпались наружу. Но это не выигрыш. Это некрасивый скандал.

Я ору. (Не надо было меня злить!) Обвиняю Геннадия в том, что он спустил на меня всех собак. Особенно косую собаку. Я угрожаю! Предупреждаю! Не даю никому сказать ни слова. Замечаю краем глаза, как пугается Кристина и смотрит на усатого удода, ища спасения, но остановиться я уже не могу. Я пьяный, между прочим. (Не стоило загонять меня в угол!)

— Плевать я хотел на вашу гитару, ясно! И на сэра Пола отдельно плевать я хотел! Отстаньте все от меня!

— Тихо-тихо, — говорит Геннадий.

Какое там!

— Я ничего не хочу! Я хочу получить свои деньги за синопсис, ясно! Ты! Геннадий Андреевич! Где? Мои? Деньги?!

Не дождавшись ответа на вопрос, я встаю, выхожу из кухни и вообще покидаю квартиру Кристины. Веду себя, как записной истерик. Но я пьян, я обижен. Напряжение последних дней дало себя знать. Да, и НЕ НАДО БЫЛО ЗАГОНЯТЬ МЕНЯ В УГОЛ!

Иду по улице, повторяю слово в слово свои гневные речи, только про себя, едва слышно. И прохожие, добрые, приезжие москвичи типа меня, обходят творца стороной.

Как я попал в этот дикий мир, основанный на товарно-денежных отношениях? Чем я провинился? За что эта немилость? Небеса молчат.

И тут мне становится стыдно. Наглость и стыд — вот мои любимые качели. Первое желание взять билет в Рыльск и вернуться с поджатым хвостом. Этот позыв я перебарываю и начинаю переговоры с совестью.

— Отстань от меня! Мне ничего от тебя не надо, ты поступил гнусно! — говорит мне совесть высоким, неприятным голосом.

Я стараюсь ее успокоить.

— Все это под влиянием момента...

— Это не аргумент!

Тяжело искать аргументы для совести.

— Пойми, я не обвинил никого конкретно. Попытался разобраться...

— Ты визжал, как резаный поросенок.

— Это было некрасиво?

— Ужасно.

— Со стороны не очень, да?

— Не то слово.

— Как девочки?

— Близко к этому.

— Блин.

— Да.

— Что же делать?

— Надо извиниться, — говорит совесть.

— Ни за что.

— И выход?

— Я хочу выпить.

— Ты уже очень пьяный!

Совесть, конечно, против. Но я ее знаю. Совесть, она как женщина. Выпьет и положит самому ужасному подонку из всей компании теплую руку на плечо. И погладит. И погладит.

19

Картошка. Сетка-мешок, набитый крупной, грязной картошкой. В одном месте сетка порвана, и несколько картошин вывалились, лежат на полу. И я лежу на полу. Смотрю на эту картошку и переживаю самое ужасное похмелье на планете Земля.

Далекая музыка стелется по полу и малый барабан почти совпадает с толчками крови в моей голове. Вступает бас-гитара. Маккартни, что ты со мной делаешь? Зачем ты разрушил мою крохотную жизнь?! Она и так держалась на зубной нити и на стержне от копеечной ручки. Ты не сэр, ты бесчувственный поц. Сам про...л гитару, а мне отвечай!

Громче играй, группа «LOS POTATOS», пропадай моя душа.

Открывается дверь. Я вижу ноги. Они проходят мимо меня. Это Хитла, сомнений быть не может. Она идет в другую часть комнаты, переступая через меня по дороге. Забирает еду для бабушек из моей комнаты-хранилища. Как ей не стыдно. Старше и бодрее меня в два раза.

— Выпил вчера? — спрашивает Хитла.

— Злоупотребил.

— Бутылку пива на стол поставила.

Хитла уходит. Хлопает дверь, голова моя дает трещину, из которой роет

вылетают мохнатые ночные мотыльки, составляю в воздухе слова «ВСТАВАЙ, ДЕШЕВКА!».

И дешевка поднимается, медленно, как тесто, стараясь не расплескать головную боль, не вылить ее на дешевый ламинат и не прожечь пол.

Рано я записал Хитлу в злодейки. Пиво было холодным. Пил и понимал, что мне нужно на природу. На самом деле, я — дитя природы! Как, наверное, Тарзан. Только в штанах.

Хитла возвращается.

— К тебе пришли, — говорит она.

Я поворачиваюсь к ней с бутылкой пива, застрявшей в навсегда согнутой руке.

Выхожу из комнаты и вижу своего косоного мучителя. При виде следователя превращаюсь в смоляное чучелко.

— Шантажом занимаетесь? — спрашивает меня Пётр Павлович. — Не слышу!

— Нет, — отвечаю.

— Зачем вы приходили к Геннадию Андреевичу?

— Я вообще-то приходил не к нему.

— Вы его преследуете! Так?

— Нет.

— Вы угрожали ему?

— Нет.

— Угрожали! У него есть свидетели!

Тут же представляю себе Кристину, голую по пояс, в суде, поднимающуюся при словах «Встать, суд идет!», и как подпрыгивает ее грудь.

— Я — свидетель, — говорит она.

Она — свидетель, а я — извращенец. Это очевидно.

Косой наступает, я пячусь назад, не выпуская пива из полусогнутой руки, словно предлагая ему отхлебнуть.

— Это отдельная статья! — шипит он, прижимая меня к стенке. — Геннадий Андреевич уже заявление написал!

— Я сказал...

— Что?! Что ты сказал?! Что?!..

Мысли путаются, словно тонкая китайская лапша в обжигающем бульоне.

— Я сказал... я просто не выдержал...

Безумный шляпник, сделай мне такую шляпу, чтобы ею накрыться и сидеть в тишине, в темноте, вместе с белым кроликом и читать журнал «Иностранная литература».

Наступает Косой. Страшное лицо приближается, качается, словно коровий череп на грязной палке.

— П...ц тебе! Ты сядешь, ясно?! Ясно тебе...

Но тут голова Косого исчезает из поля зрения, и я слышу грохот в районе вешалки.

Поворачиваюсь и вижу, что следователь отлетел в сторону и приземлился на подставку для обуви. Вид у моего мучителя удивленный и напуганный.

Вадик спас меня. Вышел из своей комнаты вовремя, сильно толкнул Косого и теперь на него наступает:

— Ты, урод! — говорит Вадик, — Ты чего сюда лезешь?!

Косой неверной рукой достает удостоверение, выставляет его перед собой как маленький прямоугольный щит. Но Вадик вырывает официальный документ, внимательно смотрит и... бросает его Косому прямо в физиономию.

— Ты мне чего липу суешь, сволочь?! Мне чего, может, ментов настоящих вызвать?!

Косой истончается, становится плоским, как лист черной бумаги. Одни глаза на лице. Поднимает подделку с пола, ругается, но как-то тихо, глядя в пол, говорит, что Вадик не разбирается, что он, косой, сам наряд сейчас вызовет, прямо вот сейчас и вызовет. Вот только...

Пух! И нет уже Косорылого в нашей прекрасной коммунальной квартире. Только мы с Вадиком стоим. При этом он слегка заспан, а я без похмелья вовсе.

— Не мент он. Просто пугал тебя, — говорит Вадик-герой.

20

Если хотите быстро избавиться от похмелья, устройте так, чтобы у вас на глазах человек из мента всемогущего превратился в обрывок отоваренного чека из магазина «ВСЁ ПО ПЯТЬДЕСЯТ».

Я, конечно, смотрел на Вадика с восхищением. Смотрел ему в спину, потому что сразу после схватки в прихожей мы отправились на стройку, где мне предложено было заработать переноской мусора.

Если вам, как и мне, всегда достаются задние ручки носилок, здравствуйте! Если вы, как и я, при каждом шаге бьетесь коленом о носилки, привет вам! Если от вас, даже в переноске мусора, ничего не зависит, салют вам и шалом!

Впрочем...

Как сказал поэт Басё,

Слава Господу за всё!

После двух часов работы «имеем свой ланч», беседуем. Я делюсь сокровенным, Вадик называет меня дураком.

— Дурак что ли, не ходи.

— Я пойду!

— Зачем?

— Хочу посмотреть ей в глаза.

— Ни хера ты там не увидишь.

— Она не могла сама...

— Ага, он ее заставил.

— Ну и что, такое могло быть.

Вадим качает головой, в щепоти его грустно гнется кружок докторской колбасы. Я безнадежен. И я это знаю. Мысленно выбираю майку, которую надена на встречу с Кристиной.

Я хочу все выяснить. И хочу все выяснить в правильной майке. Останавливаюсь на майке черного цвета. С полным текстом стихотворения Одена «Похоронный блюз» на спине.

Кристина берет трубку сразу.

— Да.

Голос ее отдается эхом. Словно сидит она на краю бассейна, полного горячих слез.

— Это Радик.

— Я узнала.

— Давайте встретимся.

— Зачем?

Хочу привязать вас кровати и насиловать, читая вслух Гумилёва. Спокойнее, Радик, спокойнее.

— Мне хотелось бы поставить все точки над «i».

— Как это?

Если бы я сам знал. Сказал, потому что красиво звучит. Я ж эстет, мать-перемать.

— Не бойтесь, я не причиню вам зла! (Это из какой-то старой пьесы.)

— Я не боюсь.

— Давайте тогда на Чистых прудах. Там, где в прошлый раз.

Пауза. Примерно так долго, как подходит к перрону поезд «РЫЛЬСК-МОСКВА».

— Хорошо, — говорит Кристина.

— Через час?

— Через два.

Два часа. У меня есть время для танца радости, но нет сил. Нозе и руке болят зело после переноски мусора. И я танцую мысленно, проходя у себя в голове, изгибаясь и дрыгаясь, от уха к уху.

Кристина на месте раньше меня. Поворачивается без наигрыша при моем появлении, и я снова не узнаю ее. То есть, конечно, определяю, что это она. Но вот какая штука, помню я ее совсем другой.

Волосы собраны в хвостик, очков нет. И глаза, кажется, стали другого цвета. Хоть фотографию носи, для сравнения.

Сажусь напротив. Она опускает голову, старается не смотреть на меня. Показывает, как ей стыдно. На столе стоит грязная тарелка с большим, начисто обглоданным рыбьим хребтом. Кристина успела поесть. С аппетитом.

Официант убирает тарелку. Кристина начинает говорить:

— Он не хотел вам платить!

— Кто? Геннадий?

— Да. Он все подстроил!

Кто был прав насчет продюсеров? Я был прав насчет продюсеров!

— Значит, гитару никто не крал?

— Да. Она у него дома. А Пётр Павлович...

— Косой?

— Да. Его Геннадий Андреевич нанял.

— Нанял? (Как debil, переспрашиваю. Мне бы такой диалог на канале зарубили.)

— Да. Чтобы вас напугать.

Просто и подло. Так, в принципе, и устроен наш мир.

— Потому что не хотел мне платить?!

— Да. Хотел сделать так, чтобы вы не приходили больше. Пётр Павлович — он его друг.

— А вы им всем подыгрывали?

— Я не хотела, — говорит Кристина тихо.

— Но сделали.

— Я не хотела, правда. Но я на него работаю. Я от него завишу.

— Вы с ним... встречаетесь?

— Нет.

Я смотрю на Кристину и не верю. Она видит, что не верю, и говорит зачем-то:

— У меня дочка. Пять лет. Не от него.

Я не знаю, что на это сказать. Я — дундук. И у меня диплом ВГИКа.

— До свидания, — встаю.

— Подождите! — она встает тоже, обходит стол.

Я думал, что она ниже ростом.

— Зачем вы меня позвали к себе? Вчера, вечером? — спрашиваю.

— Это была слабость.

— До свидания!

— Подождите!

Кристина берет меня за руку. Если быть точным, за предплечье. Конечно, я останавливаюсь.

— Вы мне нравитесь.

Кристина целует меня. Я перестаю дышать. От нее пахнет рыбой. Как, наверное, от сирены, которая, надрывая связки, пела песни Одиссею.

Она ничего не говорит и смотрит, ожидая, что я сделаю следующий шаг.

И я его делаю. Я же мужчина.

Я поворачиваюсь и ухожу. Нет, потом я тут же возвращаюсь и говорю: простите. И вот после этого ухожу окончательно.

21

Есть истории красивые, а есть — правдивые. Я лично как творец от Бога всегда рассказываю только правдивые истории. Ну, иногда их немного приукрашиваю.

Вернувшись в унылую келью холостяка, я, конечно, стал думать, а что бы было, останься я с предательницей Кристиной. Был бы секс, вероятно. Зачем же я тогда

ушел? И сразу начинаю жалеть. Я поступил красиво, но глупо. Как говорил Заратустра в приватной беседе, хороший секс стоит любых идеалов.

Вадик застает меня на кухне за поеданием свежескупленного чебурека.

— Сходил?

— Сходил.

— И чего?

— Я не стал продолжать отношения. Она поступила нечестно.

— Да нет. Я про деньги. Деньги-то надо у него выбить.

Я откладываю чебурек. Аппетит пропал.

— У нее?

— Не у нее. У продюсера твоего.

— Надо. Но не знаю, как.

— В суд, ты говорил, сценаристы подают.

Мысленно чешу репу.

— Не выйдет. По договору он все выплатил.

На кухню входит артист Машковский. Розовая майка открывает миру часть крайне непривлекательного живота.

— Видели? — спрашивает Машковский и продолжает, не дождавшись ответа: —

Я Миронова уделал в сериале.

— Кого ты там играл? — спрашиваю.

Машковский берет без спроса мой чебурек, отвечает он уже с набитым ртом:

— Фофера.

— Что?

— Шофера Мироновского. Роль маленькая. Но яркая.

Мне срочно нужны положительные эмоции, как сказал Иван Грозный после убийства своего сына. Поворачиваюсь к Вадиду.

— Как там эти малярши?!

— Нормально. Уже, наверное, работу закончили.

И, сняв венец безбрачия,

На жизнь взглянул иначе я.

Всё. Конец.

Концовка получилась смазанной, как пишут недолюбленные в детстве редакторы телеканалов. И я, знаете, плевать на это хотел. Я — счастливый человек. Живу в центре Москвы, там, где театралы прутся смотреть на то, как маленькая актриса хлопает мокрыми глазами. Жизнь в целом прекрасна, деньги не главное, комната пока остается за мной, музыка вечна, театр лжив, а кино — это просто картинки. Я — Радик Педалькин, лучший сценарист современности. Запомните это, а лучше запишите в свои бальные книжечки.

Да, и еще. Какой урок я вынес из всего случившегося? Что если на стене висит гитара, она не обязательно должна играть.

И как результат, я стал еще больше нервничать и лучше писать. Dixi.

ЖДИТЕ НОВУЮ ПОВЕСТЬ:

БЕЙ СЦЕНАРИСТА!

УДАР ВТОРОЙ. ТЕАТР «ЛИЦЕМЕРЫ».